

Мария Новик
Дар
лунного
грифона.

Мария Новик

Дар лунного грифона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36078941

ISBN 9785449322302

Аннотация

Артур Грифрайс с виду обычный парень. Он работает рулевым на катере, возит богатых туристов. Он живёт вместе с матерью недалеко от порта. Любимая работа, хорошие друзья, щедрые клиенты... Вскоре с ума сходит напарник Артура. Он неустанно твердит о некромантах и волшебных порталах. А после мужчина и вовсе пропадает без вести. Спустя некоторое время на пристани появляется женщина с татуировкой грифона на руке. Она же приходит домой к Грифрайсам и сообщает – Артуру пора вернуться в другой мир.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	81
Глава 8	99
Глава 9	127
Глава 10	139
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Дар лунного грифона

Мария Новик

© Мария Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-2230-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Санта-Моника, 1997 год

Беспокойство распространялось в ночи подобно яду, что отравлял умы простых граждан, запуская липкие щупальца в души и разумы. Дымовая завеса едва пропускала свет аварийных маячков. Лишь пожарная и полицейская сирены напоминали о том, что случилась трагедия.

Несмотря на поздний час, на улице собралось много народа. Ленточные ограждения не пускали пришедших зевак, наглых журналистов и обеспокоенных родственников. Но волна людей грозила хлынуть на заваленную обломками территорию. Именно поэтому живым щитом внутри огороженного периметра стояла полиция.

– Заходим! – скомандовал пожарный, надев маску с респиратором. Ещё несколько спасателей тревожно посмотрели на главного. – И будьте осторожны, остатки здания могут рухнуть в любой момент. Ищем выживших. Если они под завалами, то сообщаем поисковикам, они вытаскивают. – Мужчина взял в руки багор, включил быстрым движением фонарик на каске. – Если появится хоть один намёк, что тонны камня рухнут вниз, бросайте всё и валите оттуда как можно быстрее. Всем всё ясно?

– Да!

– Да, всё ясно!

– Понятно, кэп.

Пожарные кивнули и заверили главного, что всё будет так, как положено по инструкции.

Мужчины вошли внутрь. Камень опасно трещал, разорванная проводка искрила, сыпалась штукатурка. Под ногами пыль, смешанная с кровью, кругом витал ужас. Отряд медленно двигался вперёд, постепенно разделяясь на пары.

– Это пожарные! Отзовитесь! – кричали парни по очереди, освещая кругом фонарика тёмную мрачную постройку.

Ответом была гнетущая тишина. Отчаяние разливалось по венам. Похоже, живых не найдут. Но оставалась маленькая искра надежды: быть может, люди успели выбежать.

– Сюда, скорее! – раздалось в рации. Оглушительный крик одного из пожарников заставил многих вздрогнуть, а некоторых даже выругаться, повинувшись мандражу от резкого звука.

– Что случилось? – ответил главный.

– Мне нужна помощь, есть выжившие! И... – напряжённая пауза, – вам надо это видеть... – выдохнул мужчина. Похоже, что он был очень удивлён.

Парни прибыли на место, осматривая по пути следования оставшиеся целыми комнаты многоэтажки. Реальность всё же победила. Некоторым жильцам выбраться не удалось. Это оставляло неизгладимый отпечаток в памяти каждого человека.

Но всё это на миг померкло, когда пожарники увидели странную картину. Светящийся овал медленно схлопывался, становился меньше, пока не превратился в искру, парящую в воздухе, и не исчез совсем.

А посередине пустоты, что образовалась, судя по всему, под действием странного света, стояла женщина в необычайно красивом одеянии: сиреневые шальвары с драгоценной выкройкой на поясе, облегающий топ на тонких бретельках, так же богато расшитый. Абсолютно седые волнистые волосы, которые роскошными локонами спадали до пояса, покрывала тонкая вуаль.

Девушка испуганно переводила взгляд то на одного пожарного, то на другого. Она выставила руку вперёд, держа в ладони недлинный кинжал с волнистым лезвием. Другой рукой бедняжка обняла темноволосого мальчонку с ярко-синими глазами, такого же испуганного и дрожащего. На изящной кисти неизвестной красовалась фиолетовая татуировка в виде головы грифона.

– Опустит нож, девочка, – мягко сказал главный. – Мы хотим тебе помочь. Посмотри наверх, вот-вот случится обвал. Надо выйти отсюда поскорее. Я не причиню тебе вреда. Видишь? – Он медленно присел и положил багор на заваленный мелким камнем пол, а затем сделал пару шагов в направлении бедняжки.

Седовласая красавица словно почувствовала, что ей хотят помочь. Слезы потекли из синих глаз, а кинжал выпал из ла-

дони. Женщина крепче прижала к себе мальчонку. И зарыдала.

– Всё будет хорошо, скоро вам помогут, – обнадёжил пожарный, выводя синеглазую незнакомку из здания.

Глава 1

20 лет спустя.

Лонг-бич, штат Калифорния, наши дни.

Вас когда-нибудь обламывала собственная собака? Станный вопрос в шесть утра, но именно его я задал, когда проснулся от ощущения собачьих слюней на своём лице. Чёрный лабрадор, а зовут это назойливое недоразумение Бонди, беспардонно залез на мою кровать, сел сверху и начал будить.

– Такой сон обломал, подлец, – простонал я, скидывая с себя этого нахала и поворачиваясь на бок.

Сон действительно был прекрасен. Особенно мне понравился момент, когда очаровательная рыжая красотка затащила меня в гостиничный номер отеля, на первом этаже которого находился шикарный ресторан, куда я, собственно, эту милашку и пригласил. Всё начиналось просто фантастически: она разорвала на мне рубашку и толкнула на кровать. Надо сказать, что фигура у дамочки совершенная. Узкое платье обтягивало прелестные формы, подчёркивая каждый изгиб.

Целуется рыженькая тоже круто. У меня башню снесло от одного такого поцелуя. Захотелось стать рабом красотки и исполнить её самые извращённые желания. Вот девушка

запрыгивает на меня, наклоняется так, что её дыхание обжигает мне лицо и... начинает усердно облизывать. Я не сразу понял, что произошло, пока реальность не превратилась в мираж, и я осознал, что сплю.

Уткнувшись лицом в подушку, я попытался задремать. Изо всех сил старался вернуться в тот сон. Но псина снова запрыгнула на кровать, принявшись стягивать с меня одеяло. Я вцепился в него руками, словно это не одеяло вовсе, а сорок миллионов долларов, которые выиграл в лотерею. Но Бонди не прекращал издеваться надо мной. Он решительно тянул элемент постельного белья на себя. До моего слуха донёсся треск ткани.

– Бонди! Фу! Лежать! Лежать, я сказал! – крикнул я, приподнявшись на постели. Лабрадор послушно отпустил край теперь уже ненавистного мне одеяла и лёг, виновато глядя на меня. Проскулил несколько раз, а потом подполз немного ближе, виляя хвостом.

– Что случилось, Артур? – донёсся голос матери из коридора. Тихие шаги приближались, и вскоре дверь, немного приоткрытая, распахнулась настежь.

На пороге комнаты, замешивая тесто для оладий венчиком, с чашкой в руках стояла седовласая женщина с приятным лицом и тёмно-синими глазами, одетая в домашнюю одежду – спортивную футболку и штаны.

Нет, моя мать не настолько старая, просто у неё цвет волос такой. Как сказали врачи, это мутация в генах. Вы видели

людей с разным цветом глаз или афроамериканца со светлой кожей? Если да, то понимаете, о чём я говорю.

– Бонди! Ах, ты, пакостник! А ну, пошёл вон! – недовольно проговорила мама, топнув ногой. Лабрадор жалобно проскулил и спрыгнул с кровати, тут же скрывшись в коридоре.

Кстати, маму зовут Одри. Одри Грифрайс – седовласая красотка покруче Дженнифер Энистон, с идеальной фигурой и приятным ровным голосом. А, забыл про родимое пятно, достаточно странное, хочу сказать. На запястье Одри голова грифона в треугольнике. Я тысячу раз спрашивал её, почему она называет татуировку родимым пятном или отметиной рода, но она уверенно увиливала от ответа. Что ж, её желание молчать я уважаю, сама потом расскажет.

В последний раз, попытавшись выяснить причину появления этой отметины, чтоб её, я довёл мать до слёз. С чего она заревела, я не знаю. Я разозлился и уехал после неудачи с «допросом с пристрастием». А когда вернулся, то она лежала на диване, укутавшись в покрывало, и плакала. Тысячу раз себя за это клял, даже перед зеркалом отборно матерился, наказывая самого себя за то, что позволил такое обращение с единственным родным человеком. А когда закончил процедуру самобичевания, то сделал расслабляющий чай с мелиссой и лимоном для мамы.

С тех пор тема татуировок для меня закрыта. Так же, как тема волос, цвета глаз, ну и всякой ерунды, которую я тоже

обещал не выпытывать. Вам знакомо ощущение, когда нельзя, но хочется? Во-от... У меня уже буквально язык чешется снова начать спрашивать на эту тему, но я дал слово. А обещание, знаете ли, дороже собственных желаний.

– Поспи немного, ещё рано, – сказала заботливо мама. Она продолжила помешивать тесто в чашке, разворачиваясь и уходя по коридору на кухню.

Я откинулся на подушку, рвано выдохнув. Сна словно и не было. Не видать мне ни красотки, ни офигительной ночи, пусть даже и не реальной. Продолжая пялиться в потолок, я размышлял.

У меня есть всё, что только можно пожелать. Дом неподалёку от самого популярного пляжа Америки, крутая тачка, деньги, обожаемая работа, которая и приносит доход. Нет только девушки. Странно, да?

Обо всём по порядку. Раньше мы с матерью жили в Санта-Монике. Загруженные пробками улицы, маленькая квартирка на третьем этаже, пособие по безработице... Теперь вспоминаю это, как страшный сон. Жизнь в не самом благополучном районе города, где тебя всё время норовят ограбить или убить, сейчас кажется чем-то немыслимым. А тогда это было ужасной действительностью для меня и матери.

Сейчас мы живём в роскошном доме, купленном в кредит пять лет назад. В гараже стоит новенький фиат, который я приобрёл не так давно. Все проценты, как за машину, так и за дом, я выплатил. Но неприятности меня нашли, слов-

но они не эфемерные явления, подчиняющиеся законам случайности, а гончие псы, которые шли по следу из самой Санта-Моники. Через неделю, после закрытия договора с банком, Одри вызвали в полицию. Они два часа допрашивали её по поводу моей зарплаты, места работы и возможных связях с террористами.

Я рассказываю матери всё, что происходит со мной на работе и после неё. Она даже несколько месяцев работала на прогулочном катере официантом, разносила напитки. В общем, она знала, чем я занимаюсь. Катаю по волнам богатых туристов, за что они бывают крайне щедры.

Ещё пару недель спустя полиция явилась с ордером на обыск и перевернула весь дом в поисках наркотиков, денег и взрывчатки. Откуда первое и последнее у меня могло быть, я сам не понял, но раз они ничего не нашли, значит, этого и не было. Расспросы и предъявления обвинений нашей семье продолжались. Но ничего не найдя, чтобы посадить за решётку успешного рулевого и его заботливую мать, которая, кстати, в данный момент работает в детском бассейне инструктором по плаванию, копы угомонились, и с тех пор мы живём спокойно. Что они вообще хотели, я так и не допёр. Либо я тупой, либо они завидуют моему окладу. Но расплачиваюсь теперь я исключительно кредиткой, чтобы снова не навести на себя гнев полиции.

Девушки у меня нет уже давно. Она меня бросила. Почему? Я не знаю, потому что она сделала это подло и неприятно.

но – по телефону.

Однажды утром я проснулся и привычно потянулся за телефоном. Моё внимание привлекло SMS-сообщение от Линды. Она каждое утро писала «Привет, Арти. Люблю тебя» или просто присылала смайлик с поцелуем. Но сегодня... Я смутно помню, что там подробно было написано, но единственное отпечатавшееся в мыслях до сих пор вспоминаю с содроганием. «...Я ухожу от тебя. Прощай» – последние слова сообщения, которое она посмела отправить, запросто лишив меня самых лучших моментов в жизни.

Мы с Линдой встречались больше года, она всегда была милой и очаровательной, не замечал за ней я ни подлости, ни непристойного поведения. После злополучной SMS я несколько раз звонил ей на мобильный, но ответом мне служило «Номер не обслуживается».

Что ж, болезненное расставание, перевернувшее в то утро мою жизнь, я пережил. С тех пор дал себе клятву: пока не найду достойную девушку, буду отшивать всех, кто покусятся на моё личное пространство.

Мобильник зазвонил на тумбочке, заставив меня вздрогнуть. Я будто снова перенёсся в то утро, когда Линда меня бросила. Гаджет проворачивался от вибрации, требуя к себе внимания. Я откинул одеяло и спустил ноги на пол. Тревожное чувство обдало холодом внутри, тугой комок опустился вниз, сливаясь с чувством голода. Комнату медленно заполнял запах оладий, доносившийся из кухни.

На экране смартфона высвечивался неизвестный номер. Кто бы это мог быть? Неужто бывшая соизволила напомнить о себе? Отвечать не хотелось, но внутренняя тревога заставила принять вызов. Тяжело вдохнув и настраивая себя на возможный неприятный разговор, приложил мобильник к уху.

На том конце была женщина с хриплым взволнованным голосом.

– Артур Грифрайс?

– Да, это я, – с сомнением подтвердил.

– Вы работаете с моим мужем, Кейси. Я его жена. Меня зовут Мэвис. Мэвис Саммер. Вы простите, если я вас разбудила, просто мне некому больше позвонить. Ваш номер значился в телефонном справочнике Кейси, – протараторила сдавленно женщина.

– Чем я могу Вам помочь? – мне всё больше казалось, что случилось что-то серьёзное.

– Мой м-муж пропал два дня назад, я... я хотела... А, нет, не берите в голову. Я позвоню в полицию.

– Нет, нет, не отключайтесь! – попросил я громко. Трёхсекундная пауза дала понять, что Мэвис продолжает меня слушать. – Да, я напарник Кейси. Он попросил пару отгулов у начальства. Сказал, что приболел. Он точно пропал?

– Он два дня назад вёл себя очень странно, уговаривал меня собрать вещи и уехать, даже сжал мою руку очень сильно, когда тянул за собой к двери. А потом он просто ушёл.

И с тех пор... Я не знаю, что мне делать, он не появлялся до сих пор! – едва не плача, рассказала она.

– Давайте я приеду, и вы всё расскажете по порядку. А потом мы вместе поедem в полицию, – предложил я неуверенно. На том конце воцарилась тишина, разбавляемая прерывистым дыханием.

– Да, если можно, приезжайте. Он много говорил о вас, думаю, вам действительно нужно приехать, – согласилась Мэвис. И положила трубку.

Адрес я знал. Напарник живёт через два квартала, так что мне не составит труда добраться до места. Узел тревоги скрутился на уровне живота. Что-то не так. В последнее время Кейси и впрямь вёл себя очень странно. Начал увлекаться жёлтой прессой и сомнительными изданиями, в которых очень часто упоминались порталы в другие миры, инопланетяне, йети, занятие чёрной магией и драконы. Я не придавал этому значения, просто думал, что напарник покуривает травку. Правда, счёл нужным предупредить о последствиях и спросить, всё ли в порядке. Кейси отшутился, сказав, что это всего лишь хобби. Зря я не настоял на честном ответе. Очень зря.

Но теперь ничего нельзя поделаться. Время назад не повернуть.

Я быстро встал и оделся. Футболка, бриджи, кроссовки – самая удобная одежда и обувь. Я же не на работу еду, а к несчастной женщине, которая попросила помощи. Хотя

на всякий случай снял с вешалки форму рулевого и фуражку с серым рантом. Если задержусь у Мэвис дольше положенного, а я полагал, что так и будет, то заезжать домой – значит, рисковать работой.

Я закрыл шкаф-купе, собрав всё необходимое. Из большого зеркала, висевшего на выдвижной дверце, на меня посмотрел синеглазый высокий парень с чёрными, не слишком длинными волосами, едва достававшими до ушей. Я – за мной в точности повторило моё отражение – быстрыми движениями зачесал волосы назад, обнажив выбритые виски. Шевелюру прихватил на затылке тоненькой резинкой.

Предупредив мать о происшествии и успев запихать в рот пару вкуснейших оладий с имбирём и грушей, я помчался к выходу. Нужно найти Кейси. По крайней мере, я был полон решимости сделать всё возможное.

Но всё оказалось хуже, чем я предполагал.

Глава 2

Я стоял на пороге квартиры, размышляя, что могло случиться с Кейси. Вариантов множество. Самый первый – он напился и в данный момент кутит в клубе, забыв о том, что у него есть семья. Второй – лежит в больнице, потому что его избили или ограбили, что почти невозможно, учитывая прошлое моего друга. Третий вариант я даже не рассматривал, но назойливая догадка, как назло, продолжала лезть на первый план. Я отмёл её снова, тряхнув головой. Нет, он жив. В другое я не верю и верить не намерен.

Подавляя приступ паники, который подкатил совершенно неожиданно, я постучал в дверь. Она тут же открылась, словно меня ждали, сидя буквально на пороге. С другой стороны, человек пропал, и жена исчезнувшего не могла поступить иначе, кроме как ожидать меня, чтобы получить хоть какие-то ответы на один единственный вопрос.

На меня посмотрели заплаканные карие глаза. Полноватая женщина приятной наружности, с короткими тёмными волосами, в серенькой футболке и чёрных джинсах, молча пригласила войти, отойдя в сторону.

Первым делом я огляделся. Ничего выдающегося в квартире не заметил. Самая обычная обстановка самого обычного жилища. Небольшая гостиная, достаточно уютная, встретила яркими красками. На стенах отпечатки маленьких ла-

донец, есть ребёнок. Внутренняя тревога вспыхнула костром. Третий вариант стал пробиваться через стену безразличия ещё сильнее. Нормальный человек не мог довести жену до нервного срыва, а ребёнка до истерики, а потом просто уйти, бросить всё, что было ему так дорого. Выводы начали напрашиваться сами собой. Я старательно от них избавлялся, но они с новой силой накатывали.

– Я обзвонила всех его друзей, знакомых, узнавала в моргах, больницах и клиниках. Его нет нигде.

– Другие родственники? – обеспокоенно спросил я.

– С его матерью у меня натянутые отношения. Мы встречаемся не так часто, только на Рождество или день рождения Кейси. Я позвонила ей, но там автоответчик, – сообщила Мэвис.

– Как ребёнок, в порядке? – дрогнувшим голосом поинтересовался.

Нормально относиться к этой ситуации я не мог. Ответ на свой вопрос знал заранее, оттого переживания только усиливались. Что, если третий вариант всё-таки возможен? Что, если Кейси... Нет. Нет, нет, нет, нет! Я не верю в это!

Мэвис предложила сесть на мягкую софу. Сама уместилась рядом, устремив взгляд в пол. Несколько мгновений женщина молчала. Видимо, тот самый, третий вариант тоже бился наружу. Я посмотрел на её руку. На запястье отчётливо выделялся внушительный синяк. Миссис Саммер ещё по телефону сказала, что Кейси тащил её к выходу, убеж-

дая уехать. Ничего себе убеждение! Судя по размерам красно-фиолетового пятна, он ей чуть руку не оторвал!

– Он всё утро нёс ахинею, – заговорила Мэвис дрогнувшим голосом. – Говорил, что что-то нашёл, что это всё не сказки. Мне бы вызвать медиков, чтобы они его осмотрели и положили на пару дней в клинику для обследования. Но я терпела его выходки, думала, что он пьяный. Какая же я дура! – она закрыла лицо руками и зарыдала, всхлипывая.

Я молча смотрел на бедную женщину. Она действительно была расстроена. Нет! Неправильно! Она испугана до чёртиков поведением человека, которого знала другим!

– За пару недель он обклеил стену шкафа заголовками, картами, всё обмотал нитками, выстраивая какую-то цепочку, – плача, продолжала миссис Саммер. – Я не знаю, что с ним случилось, но это очень страшно! Что с ним? Где он? Анна-Мария спрашивала меня вчера, где папа. А что я ей отвечу? Что он сошёл с ума и бросил меня и её одних здесь?

Я не мог больше сидеть неподвижно. Меня подмывало пойти на поиски этого гада, которого считал не просто напарником – другом, и набить морду за то, что сотворил со своими близкими! Да, мы не так часто общались на общие темы, но годы совместной работы делали своё дело. Мы сблизились. А эти заголовки и статьи... О них постоянно, последние пару дней до исчезновения, Кейси неустанно твердил. Он повторял, что близок к разгадке тайны, но я не догадался, что с человеком не всё в порядке.

– Можно взглянуть на стену, которую он обклеивал? – попросил я, не надеясь на положительный ответ. Предчувствие внутри лихорадочно забилося. Я был уверен, что это подскажет мне отчасти, где искать напарника.

– Да, конечно, – икая от слёз и нервно вздрагивая, ответила Мэвис. – Пойдёмте.

Она привела меня в их спальню. Не слишком просторная комната со шкафом, навесными полками и кроватью, над которыми висели два бра. Женщина раскрыла дверцы платяного гиганта – а он длиной от пола до потолка и шириной в полстены – и я увидел то, что заставило сердце замереть, как и дыхание.

Практически всю заднюю стенку занимала карта Соединённых Штатов. Она вся исколота красными канцелярскими кнопками, на которые тугими струнами намотаны чёрные нитки. Каждый город – точка, каждая нить – маршрут. Кейси что-то искал. Или кого-то. Но разобраться в странной паутине мне не удалось. Я перевёл взгляд вправо. Боковая стенка тоже была заклеена. Вырезки из газет, статей уфологических журналов, интервью с неадекватными людьми, нечёткие фотографии странных существ и не менее странных личностей.

«Мой босс – ведьмак!»

«Инопланетяне существуют. Фото и рассказ очевидцев.»

«Неизвестное существо уничтожило погон скота за одну ночь.»

«Пришелец или розыгрыш?»

Среди десятков статей, которые одними заголовками внушали страх и отвращение, моё внимание привлекла одна. «Теракт или первый контакт?» – выведено крупными буквами над фотографией покосившейся многоэтажки, овитой стальными зигзагами пожарного спуска.

– Можно? – потянулся я неуверенно за газетной вырезкой, кинув взгляд на стенающую Мэвис, что стояла рядом со мной, вытирая слёзы. Та лишь молча кивнула, дав мне возможность действовать.

Я небрежно сорвал вырезку со стены, нисколько не заботясь о её целостности. Меня волновал не скандальный заголовок и вовсе не текст, который отпечатан под ним. Фотография здания очень мне знакома. Вернее, само здание. Я полон уверенности, что где-то его видел. Ещё одна деталь заставила прищуриться, вглядываясь в пожарного, который стоял на фоне многоэтажки.

Мужчина в каске и пожарной экипировке, с багром наперевес. Я узнал в этом человеке мистера Грэмси, нашего соседа. Сейчас он работает слесарем в автомастерской, и он не так молод, как на фото, но я чётко улавливал сходство.

В то время, когда мы жили в Санта-Монике, мистер Грэмси часто к нам заходил, интересовался здоровьем, дарил подарки, помогал. Моя мать беседовала с ним, словно он был её отцом, так душевно и обстоятельно они говорили за столом в маленькой кухне. Я любил подслушивать, когда был подростком, часто прилипал к закрытой стеклянной

двери и улавливал каждый звук. Правда, меня быстро отгоняли. Но факт оставался фактом: любопытство во мне крепло уже с малых лет.

За это любопытство меня в младшей школе прозвали журналистом. Я постоянно подслушивал за всеми. У кого есть контрольная работа, когда будет срез по предмету, кого поцеловала девчонка, кого заперли в туалете – всё знал и старательно записывал в тетрадь. Меня уважали даже старшеклассники, которые всех малолеток разгоняли по углам во время перемены.

Приятно вспомнить истории из детства, когда я был очень любопытен и залезал в любую дыру без мыла, правда, вылезти мог не всегда. Но на кону жизнь напарника, так что я снова вернулся к тревожным мыслям. Повинуясь инстинкту «журналиста», снова обратился к ничего не значащей для меня карте. На ней Санта-Моника была обозначена красной меткой, как и большинство городов побережья и отдалённых населённых пунктов штатов Калифорния, Невада, Орегон, а также Канзас, Юта, Вайоминг и Миссури. Семь штатов были задействованы в разгадке тайны, которая не давала покоя моему другу и напарнику.

Бред перестал казаться таковым, по крайней мере, для меня. Вся паутина сходилась в выделенном центре, которым стала именно Санта-Моника. И теперь я вспомнил, откуда знаю это здание! Оно находится в этом городе недалеко от школы, в которой я учился!

Головная боль пришла, когда её не звали. Виски сдавило невидимым обручем, а перед глазами поплыли картинки, сопровождаемые звуками.

Полуразрушенное здание с пустотой в центре. Кругом искрящая проводка, обломки, слышатся стоны и крики. Один из них с каждым мгновением становится чётче. «Это пожарные! Отзовитесь!» – знакомый голос оповещал о скором спасении. Именно спасении, потому что я ощущал страх, окутавший каждую клеточку тела. Я ждал, когда меня вытащат из этого места, такого чужого и опасного.

Один обрывок сменился другим. Теперь передо мной стоит молодой мистер Грэмси, удивлённо разглядывающий что-то за моей спиной. Мерцание странного света бликами падает на его лицо, наполненное тревогой.

– Положи нож, девочка, – сказал мистер Грэмси. Он в следующую секунду начал медленно опускать пожарный багор на засыпанный обломками и пылью пол... Тут же послышался женский плач, который на миг сменился коротким звоном металла.

Я посмотрел вниз, обращая внимание на источник звука. Это был кинжал с волнистым лезвием и резной рукоятью, щедро украшенной камнями и надписями. Знакомое чувство опасности полыхнуло в груди...

– Мистер Грифрайс! – тряхнула меня за плечо Мэвис, выводя из странного видения.

Я мало что понимал в последнее время, но после непонят-

ной галлюцинации, вопросов стало в разы больше. Обрывки картинок и знакомые, но одновременно с этим чужие звуки рождались в голове, пугая до чёртиков.

– Надо позвонить в полицию, – сдавленно произнёс я. Голова продолжала болеть. Я зажмурился и потёр пальцами переносицу. – Они разберутся в ситуации.

– Хорошо, – хрипло сказала миссис Саммер и вышла из комнаты. Об этом я догадался по удаляющимся шагам полноватой леди.

Собравшись с мыслями, я протёр ладонью лицо. Мне по-прежнему казалось: я знаю, что искал Кейси. Только не могу составить цепочку действий, которым следовал напарник. Либо я схожу с ума, либо... Нет, не так. Я схожу с ума. И точка. Эта комната и карта в шкафу действуют на меня гипнотически, погружая в странный транс, от которого нельзя избавиться. Решив покончить с непонятными раздумьями, я принял решение дожидаться полицию.

А вот и сирены. Подойдя к окну спальни, убедился, что догадка верна. У многоэтажного дома остановилось несколько патрульных машин.

Крепко держа штурвал прогулочного катера, я вёл судно к порту Марина-Дель-Рэй.

На палубе всюду происходит веселье: все пьют, едят, поздравляют с повышением одного из сидящих – по-моему, работника одной из престижных компаний. Мужчины в смо-

кингах. Женщины в платьях. Не очень удобная одежда в середине лета, когда температура воздуха поднимается до девяносто пяти градусов по Фаренгейту. Мне ничуть не легче. Под фуражкой уже мокрые от пота волосы, рубашка тоже начинает пропитываться. О ботинках я вообще не думал. Но такова форма одежды, и ничего с этим поделать нельзя.

Я немного помечтал о горячем душе и мягкой постели, но потом вспомнил о Кейси. Сегодня начинается его смена. Он должен был встретить меня на пристани и сменить, утром взяв курс обратно в порт Лонг-Бич. Но его нет. Это значит, что мне придётся сегодня ночевать в гостинице, а утром снова вставать за штурвал.

Было дико неприятно. Начальство не любит лгунов и ленивых. Только и ждёт, чтобы уволить сотрудника, поставив на его место другого уже на следующий день. Кейси идеально подходил на роль уволенного. Никакие заверения не помогут. Козёл, а по-другому назвать мистера Осборна у меня язык не поворачивается, сделает всё, чтобы в личном деле моего напарника, так полагаю, что бывшего, не осталось ни одного чистого листа, когда оно будет заполняться неприятной информацией. Ни о каком понимании и сочувствии речь не шла вовсе. Чернокожий придурок с хитрым взглядом и наглой рожей всегда норовит сделать какую-либо подлость.

Не так давно выходец из Южной Африки, а этот чёрт именно оттуда и приехал в Америку, пару недель назад уволил Гвен, помощницу рулевого, за то, что она неправильно

заплела волосы в косу. Повезло мужику, что рабство в стране отменили, а то вместо белоснежного кителя получил бы по рёбрам плетью и ощутил мордой всю прелесть грязной лужи в дикую жару.

Я с тревогой осмотрелся, чтобы убедиться, что не произнёс этого в слух. Иначе я увижу своих друзей и родную мать только через пару лет, как только выйду из тюрьмы.

Всё в порядке. Я только подумал о том, как хорошо было бы, чтобы мистера Осборна отправили обрабатывать кофейные плантации, причём гольшом и под звуки ударов плети.

Несмотря на то, что я ненавижу своего начальника и втихаря поношу его отборными грязными словечками, которые так и норовят слететь с моего языка, я люблю эту работу. А всё из-за воды. Её я обожаю. Чувствовать запах морской соли и свежести, смешанной с ней, слышать шум волн и звук мотора, ощущать качку, закрыв глаза и наслаждаясь возникающим ощущением полёта, – великолепно! А если за это ещё и платят! Чёрт! Дайте мне три смены, я их отработаю и получу не только зарплату, но и вознаграждение за приятный отдых на катере.

Не знаю, как сказать, но я чувствую, как нужно управляться с судном. Оно словно говорит со мной, раскрывая как достоинства, так и недостатки, чтобы я мог это использовать и добраться до места назначения без облёванных пассажирами бортов и разбитой посуды, как на кухне, так и на палубе.

Пассажиры, в основном богатые и знаменитые личности, платят мне сверх меры за умение водить. Даже Кейси один раз с долей зависти сказал, что я Посейдон, бог морей и океанов, – мне подвластны судьбы людей. Не хватает для верности только трезубца и чешуйчатого одеяния.

Кейси... Где ты дружище? Мне в один миг стало грустно. Не хватает назойливого шёпота рядом и колких усмешек по поводу: «туда пешком, оттуда – с душком». Так напарник говорил про наши смены. В порт я доставляю клиентов словно на руках, практически без качки и лишних проблем, а обратно везёт их Кейси, пьяных, усталых, а после прибытия ещё и с морской болезнью.

Но сегодня предстоит работать без него.

Даже не верится, что с ним что-то случилось. Но факт оставался фактом: то, что висело в шкафу, не было похоже на действия здравомыслящего человека. Карты, сомнительные статьи, которым место в костре, а не в руках людей. Всё это не похоже на моего напарника, который хоть и был чудачком, но не настолько, чтобы до дрожи в ногах испугать жену и ребёнка, сойти с ума, начав рыться в не стоящей внимания макулатуре и обклеить стены всякой дрянью.

А вот и порт Марина-Дель-Рэй. Ровными рядами по обе стороны многочисленных пристаней стоят катера, яхты и небольшие лодки. Прекрасная картина. Словно отдельный городок, только не для людей, а для остроносых красавцев, которые рассекают воду, ловко лавируя по волнам. Зарули-

ваю на свободное место, выключая винты двигателя. Проворачиваю штурвал, завершая манёвр. Слабое, еле ощутимое касание борта о подводные ограничители пристани.

Привычно ищу глазами Кейси. Кажется, что он сейчас взойдёт на борт и, как обычно, отпустит пару колких шуточек. Но нет. Моим ожиданиям сбыться сегодня не удастся, как и завтра, и в прочие дни, когда я буду ждать напарника.

Стоит посмотреть печальную статистику раскрываемости преступлений о похищенных и пропавших без вести людей, как становится понятно: полиция сделает всё, что в её силах, но найти одного человека в штате, а тем более, в стране, где постоянно совершаются преступления, практически невозможно. Я смотрел эти сводки, они в открытом доступе. Только десять процентов пропавших возвращается домой. Следующие десять сразу же отправляются в морг, а последние пятнадцать не возвращаются даже по частям. Их просто не находят. Никогда.

Я не хотел верить, что Кейси не найдут. Но реальность давила своей обыденностью, заставляя верить в неизбежное.

Матросы пришвартовали катер, и я спустился на деревянный помост, услышав знакомый звук стонущих досок, о которые снизу бьётся вода. Плеск маленьких волн, неистово облизывающих опоры и каркас, ласкали мой слух. Я обожаю свою работу. Будь у меня возможность, купил бы самую дорогую яхту, виллу на острове в Тихом океане и перебрался бы туда, наслаждаясь видом на голубое полотно, устелив-

шее рельеф неприглядной и застроенной каменными джунглями планеты.

Я просто стоял и смотрел на воду, словно под гипнозом.

– Артур Грифрайс? – позвал ровный женский голос.

Я ошарашенно смотрел вниз, пытаюсь понять, что моя мама делает здесь, в стольких километрах от дома. Решила приехать и поддержать меня? Или узнала, что я остаюсь на ночь, и не упустила возможности прогуляться по вечернему порту?

– Привет, ма... – повернулся, чтобы поздороваться и застыл в невероятном ступоре. Мать перекрасилась? Надела линзы? И откуда у неё киношное платье века эдак восемнадцатого, с высокой талией и волнистым подолом?

Напротив меня стояла женщина, идеально походившая на Одри. Та же фигура, голос, даже татуировка головы грифона в треугольнике на левой руке. Я заметил её, потому что неизвестная сложила руки перед собой, накрыв одной другую. Разница была лишь в том, что у почти идеального двойника были коричневые волосы и карие глаза. А в остальном...

– Вы очень похожи на мою мать, – сообщил я, пытаюсь осознать, кто же передо мной. Долго гадать не пришлось.

– Естественно, Артур. Я твоя тётя, – ошарашила заявлением незнакомка. – Меня зовут Аида.

Вот так новость. Мать не говорила ни о каких родственниках. Да я и не спрашивал, потому что слово дал. Во рту

пересохло от желания задать кучу вопросов. Не верить женщине я не мог, она идеальная копия, клон матери. Почти.

– Простите, что? – выдал я хрипло, приходя в себя. День, и без того не задавшийся (мягко сказано!), теперь обещал быть фантастически ужасным.

– А ты вырос, Артур. Одарис здесь? – Аида демонстративно обернулась, видимо, искала мою мать, которую называла другим именем. Ситуация постепенно разъяснялась. Маму зовут Одри, никакая она не Одарис, а передо мной всего лишь искусная актриса, которой зачем-то понадобилось меня разыгрывать.

– Вы ошиблись с именем. Кстати, удачное сходство. Долго грим делали? – выпалил я, сложив руки на груди.

– Нет, Артур, я не ошиблась, – уверенно проговорила Аида, улыбнувшись. – Синие, как морская бездна глаза, седые волосы, похожа на меня как две капли воды. Даже татуировка есть.

– Извините, я спешу. Отличный спектакль, дамочка, но вам меня не обмануть. Не знаю, откуда вы о нас знаете, но смею заверить, что этот цирк можно прекратить.

Я обошёл женщину и направился на берег по пристани. Это ж надо! Разыграть меня, выдав себя за мать? Ловко. Но зачем?

Вопрос растаял в воздухе, когда я услышал то, что никак не могла знать эта обманщица.

– Она всегда пела тебе, когда ты болел. Песню про крас-

ную птичку. Тебе становилось легче после неё, и ты засыпал.

Сказать, что я едва не свалился в воду, споткнувшись после услышанного, – значит, пожалеть мои чувства. Я хотел прыгнуть вниз, вобрать полные лёгкие воды и утонуть. Чёрт побери, откуда она знает?

Когда я учился в средней школе, подхватил ветрянку. Говорят, если не переболеть ею в детстве, то можно умереть. Чем выше возраст, тем вероятнее неблагоприятный прогноз на радость патологоанатому. Так вот, мне не повезло. Я покрылся красными точками и после этого поднялась температура. Меня бросало то в жар, то в холод, по ночам бредил. Никакие лекарства не помогали. В один из дней, когда врачи в клинике сказали, что мне вряд ли что-то уже поможет, мать села рядом с больничной койкой на стул и запела.

Звуки свирели лились по поляне,
Сладкими нотами теплясь в тумане.
Играй, пастушок, ты на радость Чирине,
С красными перьями птичке Фирина...

Я не понимал значения песни, находился в некоем подобии пустоты, проваливаясь в долгий мучительный сон. Голос матери, поющей про красную птичку Чирину, стал для меня нитью, позволившей выбраться из капкана смерти. Несколько дней Одри напевала мне её, поглаживая по голове. Мне действительно становилось легче.

Никто об этом не знал, кроме её и меня! Никто!

– Теперь ты мне веришь, Артур? – спросила в спину Аида, продолжая стоять на месте.

Я продолжал мысленно материться, пытаюсь справиться таким образом с накатившими чувствами от догадки... Женщина, что стояла на пристани, ожидая, когда же я повернусь, действительно моя тётя.

Глава 3

Руками я уверенно держал штурвал. Перед глазами только замечательный морской вид, разделённый справа неровной полосой на две части: мерцающая переливами вода и унылая суша. Почему унылая? Всё просто. Скучность береговой линии заключалась в том, что она полностью застроена доками, пристанями и занята курортами и пляжами. Никакого умиротворения и наслаждения. Люди, словно муравьи, снуют туда-сюда, радуясь и веселясь.

Надоело на это смотреть каждый день. Сегодня впервые мне пришла в голову мысль, что я здесь чужой. Как по мне, странно.

Ещё более странным и непонятным событием стало появление тёти на пристани. Сходство женщины с Одри я не мог не оценить. Не слепой же и вроде не дурак, чтобы не заметить очевидное. Аида знала то, что нельзя узнать у прохожих или друзей. Я не особо рассказываю о своей жизни. Да, делюсь историями, моментами, переживаниями, но о самом сокровенном молчу.

Всю ночь после смены я не спал. Мы с предполагаемой тётёй заселились в гостиницу неподалёку от пристани. Загруженность отелей в пляжный сезон каждый год действовала мне на нервы. Когда собираешься бронировать номер по телефону, постоянно говорят, что мест нет. Но на то я и мест-

ный, чтобы знать все тонкости гостиничного бизнеса. Лучше приезжать на место и на ресепшене вести беседу. Тем более, я постоянный клиент.

Да, врать я умею. И не надо вскидывать брови. Все врут, и я вру. Но не ехать же на автобусе в Санта-Монику, а потом обратно в Марина-Дель-Рэй, чтобы просто переночевать? Глупо и непрофессионально. В отелях постоянные клиенты в приоритете. Удалось выбить номер-люкс с двуспальной кроватью. Пришлось заявить, что я на несколько дней, чтобы нам с Аидой было, где переночевать. Перед отъездом просто компенсирую непрожитые в гостинице дни. Деньги не проблема.

Нет! Ложиться в кровать с собственной тёткой, пусть информация пока не подтверждена, я не собирался! От одной мысли об этом к горлу подступала тошнота. Посплю в кресле или на диванчике. Не привыкать.

Но поспать не получилось. У меня возникло знакомое желание начать расспрашивать обо всём, чтобы окончательно отогнать сомнение подальше. В мыслях началось противостояние всех за и против. «За» бунтовало по поводу родства, доказательства которого очевиднее некуда. «Против» бесилось, лихорадочно вереща по любому поводу, стоило только подумать о признании Аиды моей тёткой. В итоге я не выдержал.

Заказал в номер ужин на двоих и прохладительные напитки. Новая родственница не была против близкого зна-

комства. Наоборот, была открыта для отзывов, предложений и комментариев, иногда нецензурных. Спрашивал в основном я. Она только отвечала, порой односложно, но этого вполне хватало для уничтожения сомнения, что точило мои мозги, словно карандаш. Игра в викторину под названием «очередной факт из моего детства» закончилась тем, что мне оставалось отдать законный выигрыш победительнице. Я согласился привести её к Одри, чтобы сёстры, наконец-то, встретились.

Я едва не проплыл мимо пристани Лонг-Бич, размышляя по поводу разговора. Спать хотелось невероятно. Ещё бы: не смыкать глаз до утра, а потом каким-то чудом становиться за штурвал.

Спотыкаясь на ровном месте, я направился напрямиком к мистеру Осборну, чтобы попросить несколько отгулов до уик-энда. Предстояло решить пару проблем, а для этого требуется много свободного времени и титаническое терпение.

Первым делом собирался пойти в полицию с миссис Саммер, узнать, как продвигаются поиски Кейси. Несчастливая женщина слёзно просила не оставлять её одну и помочь справиться с этим. Я не стал отказывать: самому не терпелось услышать, что всё хорошо с другом и напарником. Хотя верил в благополучный исход мало. Понимал, что реальность преподнесёт ситуацию в красках, преимущественно красных.

Второй проблемой являлся разговор с мистером Грэмси. После увиденной фотографии на фоне полуразрушенного дома, захотелось узнать у него, что случилось в тот злополучный день. Помню даже дату, указанную в статье – пятое августа тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

Третье, самое сложное, поговорить с мамой. Не хотелось ни злить её, ни обижать, но правду я должен услышать. На душе стало гадко: я снова доведу Одри до слёз. Уже представил, как она рыдает и, вытирая слёзы, убегает в другую комнату, кутаясь в покрывало, начинает мучить себя болезненными воспоминаниями.

Четвёртое, не обязательное, – сходить к психотерапевту. Слишком много навалилось за последнюю неделю на меня, очень много сомнения и сожаления копится внутри. Нужно поговорить со специалистом, возможно, пройти курс лечения успокоительным, потому что мне кажется, что я сойду с ума, если нечто подобное ещё раз посмеет случиться.

Закончив все формальности и услышав от мистера Осборна пару ласковых, типа *«так же, как твой напарник, слиняешь и оставишь без прибыли. Чёртовы янки»*, собрался съездить в Санта-Монику, поговорить с мистером Грэмси. Мало надеялся на успех, но раз начал дело, значит, надо его заканчивать.

Матери о поездке ничего не говорил из соображений своей безопасности. Мало ли, что она предпримет, если услышит о намерениях узнать правду от человека, с которым она

постоянно о чём-то беседовала. Уверенность в том, что они шептались не просто о делах и жизни в целом, подкреплялась последними событиями.

Не заезжая домой, отправился в Санта-Монику. Воспоминания о нелёгком, но всё же приятном детстве нахлынули волнами, всплывая перед глазами в виде картинок и образов. Мне предстояла не слишком долгая дорога туда, куда я с полной серьёзностью запретил себе возвращаться после окончания колледжа. Но чем чаще мы даём себе обещание, что не вернёмся, тем чаще оборачиваемся назад.

Уже на выезде с эстакады встал в пробку. Да что ж за день сегодня такой! Сначала не заводился катер. Он по непонятной причине взбунтовался, словно ожил, не желая плыть обратно. Потом наперерез по прогулочному маршруту вылетели на скутерах безбашенные парни, которым было всё равно, что они попадут под днище корабля, где им переломает кости, а потом и под винты, которыми остатки тел нашинкует в мелкий фарш на радость прибрежным обитателям. А я попаду за решётку. Управлять прогулочным катером – это не за рулём авто сидеть. Такая машина с трудом меняет курс, к тому же нужно постараться избежать крена на борт и не потерять пассажиров.

Приступ паники я пережил. Подавил желание высказать этим ублюдкам всё, что я о них думаю. Следующее происшествие – мистер Осборн. Вот уж он точно является одним из всадников Апокалипсиса. Но и этот момент я пронёс ми-

мо долговременной памяти, мысленно посылая начальника на кофейные плантации.

А теперь пробка... Откуда она взялась, не понимал целых два часа. Двигаясь со скоростью улитки – да и та, наверно, хохотала надо мной, забравшись в свою ракушку, – я добрался до нужного места. Мироздание, видимо, решило меня задержать, но передумало. На смену странным случайностям пришло плохое предчувствие.

Я подъехал к автомастерской, в которой работал мистер Грэмси. Вышел из фиата под летний зной. Переодеваться не стал. Зря. В данный момент был похож на половую тряпку на швабре матроса, который драил палубу. Хорошо хоть фуражку снял, пот с меня и так лился, словно я скала, а по мне стекает водопад Виктория.

Даже на приличном расстоянии слышалась ругань механиков и лязг металла. Небольшое одноэтажное здание с кучей автомобильного мусора на заднем дворе и разобранными тачками разных марок. Я прошёл внутрь помещения. Пахло машинным маслом, жжёной резиной и калёным железом.

– Я могу помочь? – меня заметил молодой механик в рабочем сером комбинезоне. Он стоял, опёршись на край открытого капота автомобиля. Парень поднял со скамьи промасленную тряпку и вытер ею руки. Видимо, вещь не раз использовалась в ходу, потому что руки как были чёрными, так и остались, разве что масло немного стёрлось с ладоней

и пальцев.

– Да. Где я могу найти мистера Грэмси? – спросил уверенно, сделав пару шагов навстречу и невольно оглядевшись.

Снаружи мастерская выглядит меньше, нежели внутри. Всё аккуратно, нет разбросанных инструментов или запчастей. В дальнем углу несколько машин стоит на подъёмниках, под ними трудится пара слесарей, подтягивают «мосты». На переднем плане же, рядом со мной, несколько тачек, которым требуется замена масла, фильтров или переборка двигателя.

Снова посмотрев на молодого механика, я столкнулся с непонимающим взглядом. Паренёк немного помолчал, а потом обратился к коллеге.

– Банни! Тут пришли, разберись, – и снова оглядев меня с ног до головы, продолжил копать под капотом.

Ко мне подошёл немолодой мужчина, с проседью на висках. Всё в том же рабочем комбинезоне. Полноватый механик с вопрошающим видом уставился на меня, видимо, принял за клиента.

– Добрый день, я Роджер Банни, старший смены. Чем я могу помочь? – как по инструкции, представился он.

– Где я могу найти мистера Грэмси? Я Артур Грифрайс, его друг, – поинтересовался я снова. В прошлый раз ответа не получил.

– Вам нужен Уолтер Грэмси? – неверующе спросил Банни. Сожаление на его лице мне не понравилось. Внутри забилося

плохое предчувствие.

Я оторопел. Что было не так с этим Роджером, понять не мог, но беспокойство разгорелось костром в груди. Мистера Грэмси уволили? Придавило машиной? Вернулся в пожарные? Последний вопрос я отмёл, оставив без ответа. Не тот возраст у Уолли, чтобы он подался на работу в пожарную часть. Разве что диспетчером.

– Если вы его друг, то должны были знать, что он умер пару месяцев назад. У него был рак, – ошарашил новостью механик.

В ушах зазвенело. Как? Почему я ничего не знал об этом? Неверие пришло следом, а после него и невероятная скорбь. Рак? Боже! Самая нелепая и неотвратимая смерть из всех, что есть на свете, когда ты знаешь, что это всего лишь болезнь, но понимаешь: она тебя победила, едва начавшись.

– С вами всё в порядке? Может, присядете? – спросил Банни.

– Нет, всё нормально. Я уезжал на пару лет, но держал связь с мистером Грэмси до недавнего времени. Оказывается ... – коварное слово произноситься не хотелось. Оно застряло в горле. Я даже закашлялся от одолевшего удушья и расстегнул верхние пуговицы рубашки, словно это могло помочь лучше дышать. Не помогло.

– Вы, может, и правда присядете? Мне не нравится ваша бледность, – голос седовласого механика стал настойчивее. Он даже сделал несколько шагов навстречу. Но я вскинул

руку в останавливающем жесте, чтобы, во-первых, он не касался формы грязными руками, а во-вторых, чтобы не вызывать жалость. Никогда не любил, когда меня жалели. Не переносу этого и сейчас.

– Спасибо, но я, пожалуй, поеду, – сообщил сдавленно, продолжая осмысливать услышанное. Уолтер Грэмси, человек, который принимал участие в моём воспитании, заменив несуществующего отца, умер, а я даже не знал об этом.

Именно он отвозил меня в школу. Часто говорил, что ему по пути, но на самом деле просто хотел это делать. Именно мистер Грэмси учил меня драться, когда в один из дней я пришёл с синяком под глазом и разбитой губой. И именно он настоял на том, чтобы я пошёл после колледжа подавать заявку на яхтенные права, а после – работать в самой престижной туристической компании. Я всегда любил воду, тяготел к ней и мечтал стать шкипером с самого детства. И вот, нашёлся человек, который подтолкнул меня к исполнению мечты. А теперь его нет.

Я ехал по дороге, постоянно перестраиваясь из ряда в ряд. Мне не было дела, что водители недовольно сигналият, что я рискую разбиться при очередном перестроении. Меня одолевала – не скорбь, не сожаление – ярость. Именно она.

Моя мать тоже не знала о трагедии? Или знала? Второй вариант был наиболее вероятен, потому что пару месяцев назад она ездила в Санта-Монику «повидать подругу, у которой умер муж». Муж, значит? Почему-то я сейчас абсолют-

но уверен, что не муж умер, и не к подруге ездила та, кого я считал самым честным человеком на земле.

Что ж, Одри, нам стоит поболтать...

Глава 4

Солнце начало клониться к закату, и я включил ближние габариты. Эстакаду миновал, в данный момент ехал по тихой улице, где по обеим сторонам дороги стояли двухэтажные дома и коттеджи. Навстречу мне никто не двигался, а потому я решил немного полихачить. Надавил на педаль газа, отдавшись на волю своих мыслей. До дома ещё два квартала и пара поворотов. Есть время немного поразмышлять.

О чём? О том, что моя мать – лгунья. Да, она берегла мои чувства, знала наверняка, что я буду скорбеть о потерянном друге, даже более – человеке, заменившем мне отца. Но мне не десять лет. Я понимаю, что такое смерть, и что она неизбежна. И лишать меня права попрощаться с мистером Грэмси – верх кощунства!

Да. Я злился. Покажите мне того, кто сделал бы по-другому на моём месте!

Свернув на очередном повороте, я зевнул. С утра хотел спать: ночная беседа с новоявленной родственницей не прошла бесследно, но после новости о смерти Уолтера, в меня словно влили восемь чашек эспрессо. А теперь снова хотелось плюхнуться в мягкую постель. Веки слипались, хоть спички вставляй. Я потёр пальцами правой руки глаза, предварительно сбросив скорость. Сон спешил заполучить меня в свои объятия.

Открываю глаза, а посреди дороги стоит женщина! Вот же чёрт! Я резко давлю на тормоз, выворачивая при этом руль, стараюсь избежать столкновения. Как она появилась тут?!

Рвано выдыхаю, глядя вперёд и вжавшись в спинку водительского сидения. В голове ничего, кроме «надеюсь, я её не сбил». Мысленно я уже молился. Не уверен, что объехал эту самоубийцу. По крайней мере, задним крылом фиата её зацепил, хотя удара не почувствовал. Может, всё обошлось?

Выходить не хотелось, а вдруг она лежит на асфальте, вся в крови? Сам виноват, не заметил несчастную. Не спал сутки, и вот результат. Ладно, будь что будет. Трясущейся рукой открываю дверцу и выхожу из машины. Смотреть назад мне не так, чтобы хочется, но заставляю себя это сделать.

Никого! Только следы шин на асфальте после моей попытки никого не отправить на тот свет. Женщины нет. Осматриваю машину – ни царапины. На дороге нет следов крови. По крайней мере, я не заметил.

Что это было? Я точно видел длинноволосую женщину в платье прямо перед машиной. Или у меня галлюцинации от недосыпа? Хотя какой теперь недосып – я о нём и забыл. Мне бы сердце из ботинок достать да позвоночник из штанов вытряхнуть, а не о сне думать.

– Ты меня чуть не убил! – раздался позади гневный женский возглас.

Я резко повернулся и отскочил, влипнув в машину от испуга. Передо мной стояла Аида. Карие глаза зло смотрели

на меня. Тётушка сложила руки на груди и притопывала ногой, отмеряя мой пульс, который именно в таком ритме стучал в висках.

– А ты н-не стояла бы посреди дороги, – выпалил дрогнувшим голосом. На самом деле хотелось сказать, что она, такая сука, чуть нас обоих не угробила, но не стал. – И вообще, что ты тут делаешь? – задал своевременный вопрос, как только пришёл немного в себя.

– Ты обещал отвести меня к Одарис, – напомнила она, хотя я спрашивал про другое.

– Я имею в виду, откуда ты знала, что я буду ехать по этой дороге именно в это время? – разъяснил я.

Аида одарила меня удивлённым взглядом, да таким, что невольно стало стыдно. Почему – не знаю. Но я почувствовал, что краснею.

– Расскажу как-нибудь, раз Одарис не сказала тебе, как это работает, – объяснилась Аида сурово.

Что мне мать должна была объяснить, я не допёр. Тряхнул головой, чтобы избавиться себя от ненужных мыслей и догадок. Отлип от фиата и поправил ворот рубашки.

– Что ж, прошу на борт, – я обошёл машину и открыл дверцу с пассажирской стороны, приглашая Аиду сесть.

Тётушка кивнула и, подобрав подол платья, уместилась на сидении.

– Тесновато, – сообщила она, оглядев салон авто.

Признаться, страннее фразы я не слышал. Создалось впе-

чатление, что женщина ни разу не ездила на переднем сидении машины. Или каталась только на лимузине со звёздами и знаменитостями. Отбросив и эту мысль подальше, сел на место водителя. Фиат под моим умелым управлением резко тронулся с места, оставив ещё пару следов от шин в дополнение к тем, которые уже имелись.

Оставшееся время пути мы ехали молча. Я чувствовал себя неловко: Аида следила за каждым моим движением. Как я поворачиваю руль, переключаю передачи, жму попеременно на педали. Даже то, что я периодически поглядываю в боковые зеркала, ей было интересно. Нет, она не пялилась на меня, словно на инопланетянина, и не тыкала пальцем, пытаясь проверить, человек ли рядом с ней, но любопытные взгляды я замечал.

Мы подъехали к дому. Я выключил двигатель, но из машины не вышел. Немного посидел, положив руки на руль, и продумал предстоящую речь. Наконец, пришёл к логическому итогу: надо спросить её прямо обо всём, и открыл дверь фиата.

– Пойдём, – сказал я тётушке.

Аида немного повозилась с дверцей, но всё же без моей помощи вылезла из авто. Н-да, странная женщина.

Как только я вошёл в дом, послышался запах пирога с вишней. Одри дома. Очень часто мать готовила вкусности и десерты. Помню ещё с детства: она часами изучала кулинарную книгу, сидя на диване с карандашом в руках. Выби-

рала самые не затратные по времени блюда, отмечала галочкой и готовила по выходным. Получалось очень вкусно. Денег было не так много, но Одри умудрялась находить немного средств на покупку продуктов для «вкусного уик-энда».

С тех пор многое в нашей жизни поменялось, но привычка готовить блюда, причём по возможности новые, осталась по сей день.

– Артур? Что-то ты рано. Ужин готов, а пирог ещё доходит в духовке, – донёсся голос матери из кухни.

Одри вышла, как обычно, в майке-тенниске и домашних штанах. Часть одежды прикрывал однотонный белый фартук. Седые волосы привычно завязаны в хвост, свисавший до пояса. Мама улыбалась, но как только её взгляд устремился мне за спину, тут же помрачнела. Мне показалось, или её глаза сверкнули? Видимо, я просто хочу спать. Галлюцинации мучают уже полчаса. Попробуйте не спать сутки, а потом выйти на смену за пропавшего напарника, выслушать монолог начальника о том, какие же белые люди ленивые и наглые, а напоследок узнать, что человек, которого вы любили, умер. Посмотрим, что с вами будет. Думаю, галлюцинации – самая меньшая из проблем, которые предстоит решить.

– Пошла вон! – прорычала Одри, нахмурившись.

– Одарис, вот только не надо этого взгляда, – столь же холодно начала Аида, выйдя из-за моей спины. – Я не поверю в то, что ты не рада меня видеть. Тем более, Артур...

– Нет! – рявкнула мать, выставив вперёд руку с указатель-

ным пальцем. – Ты его не заберёшь! Только попробуй! Я тебя...

– Убьёшь, – зная наперёд, что скажет Одри, ответила тётушка. – Но ничего не поделаешь. Я пришла, чтобы забрать Артура домой.

Куда? Слишком многое мне кажется в последнее время. Она сказала, что заберёт меня домой? Вообще-то я дома нахожусь. Или Аида отведёт меня в спальню и заставит подписать документы, что она моя мать? Или отправит в другую реальность, на другую планету...

Так, фантазия у меня разыгралась что-то. Я отвлёкся на лай, и мысли о мирах и планетах растворились.

– Бонди, проказник! Я тоже рад тебя видеть! – Я присел на корточки, раскрывая объятия, чтобы заключить в них моего любимого пса. Обожаю эту чёрную вредятину. Он, конечно, тот ещё баловник, но не любить лабрадора не могу, слишком дорог он мне.

Нашёл сие лохматое недоразумение на парковке пару лет назад. Он хромал на правую переднюю лапу и был ужасно голоден. Торчащие рёбра, изувеченный вид. Кто поиздевался над бедным псом, хотел узнать, но на нём не было ошейника, а потому адрес я не знал, да и владельца тоже. Чтобы лабрадора не поймала служба по отлову бездомных животных, забрал к себе беднягу. Отмыл, откормил и стал думать, как назвать. Когда я предложил уже здоровому и весёлому пёсику кличку Бонди, тот радостно залаял и начал вилять хвостом.

С тех пор я дарю ему заботу, а он платит мне собачьей любовью. Иногда плата слишком высока, как, например, пробуждение в шесть утра и раньше, порванное постельное бельё, заляпанный ковёр и паркет, покусанная обувь... Чуть не забыл про обламывание отличных снов.

Пока я гладил и обнимал пса, предаваясь воспоминаниям, Одри и Аида продолжали вести беседу на повышенных тонах.

– С тех пор, как ты ушла, там многое изменилось, Одарис! – напирала тётушка. Она однозначно пыталась уговорить мою мать на что-то. – Ауннавин нор Кладдурден никогда не ошибается!

– Анви тоже в этом замешан?! Вот тварь обсидиановая! – всплеснула руками мать. – Я так и знала, что нельзя ему доверять.

Я перестал понимать, о чём они спорят, после странного имени. Ауннавин нор Кладдурден. На ум сразу пришло имя Дункан Маклауд. Но не о нём же они говорят? Иначе это полный бред. Две сестры, одна из которых моя мать, ругались всё громче, а ссора напоминала разговор двух ненормальных женщин в сумасшедшем доме.

Сквозь женские голоса, вернее безумные крики, я услышал слабый рёв, похожий на львиный. Звук повторился, на сей раз громче. Пёс, видимо, тоже обратил на это внимание. Он отреагировал не очень-то дружелюбно: зарычал, повернувшись в сторону двери, и стал принюхиваться. Я дер-

жал Бонди в объятиях и чувствовал, как напрягается его тело.

– Вы слышите? – спросил я, поднявшись на ноги. Аида и Одри продолжали спорить. – Заткнитесь уже! – рявкнул на них.

– Не встревай! – приказала мать, снова продолжив словесно атаковать тётушку.

– Закрыли рты, чёрт бы вас побрал! – В этот момент я вздрогнул от собственного голоса. Никогда так не разговаривал ни с одной женщиной. Но надо же было как-то остановить ссору двух разозлённых родственниц. Сработало. Теперь они смотрят на меня бешеными взглядами. Я шумно сглотнул, представляя, как обе сейчас накинутся и продолжат выяснять отношения уже со мной.

В этот момент рёв стал громче. Теперь он похож на крик испуганной женщины, рык льва и рёв гризли, смешанных в одно целое.

Одри и Аида переглянулись. Стало понятно: они знали, что это за тварь, орущая на улице. До слуха нас троих донеслись звуки сигнализации нескольких машин и скрежет металла. Под ногами начал слабо дрожать пол.

– Как ты тут оказалась? – тревожно спросила Одри сестру.

– Прошла через портал, – коротко отозвалась Аида, глядя с сомнением на мою мать.

– И кто заплатил кровью Стражу Межмирья? – новый странный вопрос, слетевший с губ мамы со всё той же тре-

вогой в голосе.

– Никто, – отрезала тётушка.

– Моя сестра – тупая индюшка! – гаркнула Одри. Она приложила ладонь ко лбу, видимо, выстраивая план действий. – Ты понимаешь, что он идёт по твоему следу? И ты привела его сюда!!!

– Кого? – меня обуревали сомнения. Из разговора я понял одно: неизвестная мне тварь голодна, и в её меню на сегодня значится моя тётушка, а на закуску пойдём мы с матерью.

– Это Страж Межмирья, – пояснила мама. – Монстр, охраняющий врата в другие миры. Прежде чем пройти в другое измерение, нужно добровольно принести жертву. Один путешественник – одна жертва. А ты, – она указала гневно на Аиду, – безбилетница! Чем дольше ты тут находишься, тем больше жертв соберёт это клыкастое отродье!

Рёв прозвучал очень близко. Дрожал не только пол, но и полки, люстра и посуда на кухне. Послышались звуки громких ударов, словно по улице шагал тираннозавр.

– Нам надо уходить отсюда, – сообщила Одри. – И как можно скорее.

– Если это действительно Страж, то нам всем не повезло, – «обрадовала» тётушка. – У нас с тобой одна кровь, Одарис. Он почуял родство. Артур тоже в опасности. Кстати, почему он за вами не пошёл? Вы же с Артуром беглецы, – нагло перевела стрелки она.

– Да, мы перешли сквозь врата, но за это Пиртерия жиз-

нью поплатился! Он... – мать замерла, медленно повернув голову в сторону двери. Испуганный взгляд и прерывистое дыхание не обещали ничего хорошего.

Пёс тут же ретировался. Это наглое недоразумение смылось на кухню, а после через дверцу для животных, встроенную в дверь выхода на задний двор.

– Он здесь... – сдавленно прошептала Одри, отступая назад невесомыми шагами. – Все медленно отходим на кухню, а потом бежим как можно скорее и молимся всем богам, чтобы тварюга не сцапала никого в прыжке...

За дверью отчётливо слышалось тяжёлое дыхание неизвестного хищника, сопровождаемое утробным рычанием. Тварь выжидала.

– Одарис, ты ещё помнишь уроки Ауннавина? – шёпотом спросила Аида.

– Они нам не помо-о-огу-ут, – протянула тихо мать. – Стража нельзя убить ни магией воды, ни какой-либо другой стихией. Только стихия вкупе с некромантией способны угомонить эту зверюгу. И то ненадолго.

– Нам главное – задержать его, пока открывается портал.

В это время мы были уже на кухне. Пятились к задней двери, через которую Бонди удрал, что весьма похвально. Он раньше нас почуял опасность и поступил мудро. Умная психана.

– Как только Страж ворвётся, сделаем из этого дома капкан, накрыв куполом из двух стихий. Долго не продержится,

но успеем прошмыгнуть на ту сторону.

Я уже не знаю, кто это сказал. Мне было всё равно. Любой вариант принят на рассмотрение и одобрен. Становиться главным блюдом я не собирался. В планах на сегодня это не значилось. В ежедневнике не записывал. Хотя...

– Давай! – оглушительный женский крик прервал мои раздумья.

В этот миг дверь и часть стены дома разлетелись на мелкие кусочки. Я застыл на месте от ужаса. Глаза мои были устремлены вперёд. Тварь ростом со слона выглянула из-за угла и оцетинилась. Первое, что я оценил – челюсти. Стивен Спилберг такого не снимал. А зря. Огромная волкоподобная морда с горящими фиолетовыми глазами, длинными ушами и невероятно белоснежной улыбкой... оскалом. Подтянутое звериное тело, от кончика носа до кончика хвоста, покрыта стрекочущими пластинами, как у броненосца. То, что тварюга злилась, было понятно без лишних слов. Во-первых, такая монстрятина доброй быть не может, её не посадишь на цепь и не погладишь по холке. А во-вторых, мелкие пластины на теле побагровели – это ли не сигнал к началу обеда?

Сильные руки схватили меня за плечи и выдернули через дверь. Острые зубы клацнули в паре сантиметров передо мной. Я почувствовал невероятно противную вонь. Запах гнили из пасти монстра – тот ещё аромат.

Я слабо соображал в этот момент, но видел отчётливо, как

дом оброс полупрозрачным куполом. Оттенки голубого и коричневого переливались в энергетической преграде. Внутри ловушки, круша остатки здания и кидаясь из стороны в сторону, билась тварь. Она хотела вырваться наружу и сцапать обоих.

– Как думаешь, сколько продержится? – с неким азартом спросил женский голос позади меня.

Я обернулся. Одри и Аида, вытянув руки вперёд, чертили в воздухе линии и круги, составляющие некую схему, словно чертёж или печать. Рисунки, мерцающие в воздухе, отличались по цвету и сложности. Мать рисовала двумя пальцами правой руки витые синие узоры, словно художник творил кистью. Аида же делала чёткие коричневые линии внутри круга.

– Недолго, но, если повезёт, успеем пробежать пару кварталов. Надо зафиксировать заклинания, чтобы они повисели некоторое время, – сообщила мать и со знанием дела закончила свой узор.

Мне было всё равно, откуда Одри вообще знает слова «заклинания», «магия», «некромантия» и прочие странности. Главное, что это помогает, а все вопросы потом.

Я услышал лай Бонди. Обернулся, ища взглядом пса. Лабрадор стоял через два дома и лаял, рывками отходя подальше. Видимо, хотел, чтобы мы последовали его примеру и свалили от дома, наконец. Как только Аида закончила вырисовывать пальцем в воздухе коричневые линии, мы так и сде-

лали. Рванули так, что Усейн Болт, наверно, попросил бы автограф.

Пробежав целый квартал – даже не заметно – , мы остановились. Аида снова начала рисовать узоры. На сей раз они были золотыми и не такими резкими. Напротив нас в воздухе загорелась светящаяся точка. Она постепенно становилась больше, превращаясь в арку. Наконец, проход стал очень большим.

– По одному в арку! Быстро! – приказала криком Аида.

В этот момент раздался оглушительный рёв твари. Вырвалась. Первой пошла Аида. Она исчезла за светящейся пеленой. На той стороне виднелись смутные очертания поляны, окружённой лесом. Второго я кинул пса. Он сопротивлялся, но оставлять собаку помирать в зубах монстрины не собирался. Третьим сиганул сам. Вернее, мать меня схватила за шкуру и втокнула в проход. Замыкала цепочку она.

Свежий воздух наполнил лёгкие. Голова закружилась от обилия кислорода. Я сделал несколько шагов, после чего сердце едва не остановилось: оглушительный крик матери за спиной, смешавшийся с рёвом волкоподобного существа.

Не знаю, как так получилось, но я развернулся и вытянул руки вперёд. В груди разлился жар, потоком бегущий в руки. Стало невероятно больно. Из раскрытых ладоней полилось сиреневое сияние. В меня словно вонзили связку ножей, и я закричал от невыносимой боли, которая сковывала тело.

Мать лежала лицом вниз. На спине кровавые отметины

от когтей. У меня перед глазами начало всё темнеть. Тварь рвалась на эту сторону, но странное свечение сдерживало её. Портал стал схлопываться. Тело зверюги было ещё на той стороне перехода, а голова торчала из арки.

Я не мог больше держаться. Ноги подкосились, а в глазах потемнело. Последнее, что я помнил: слабый удар о твёрдую поверхность и трава перед глазами.

Глава 5

Не знаю ни где я, ни что со мной. Только пустота. Нет боли, запаха, цвета, звука – ничего. В подобии вакуума даже время способно остановиться. Сколько пребывал в таком состоянии, понятия не имею, но всё казалось вечностью. Наконец, мои мучения потихоньку прекращались. Первыми вернулись мысли. Их тонны. Каждая различалась, как смыслом, так и содержанием. Я умер? Что случилось? Кто такая Аида? И кто моя мать на самом деле? Что с ней? Она жива? Или нет? Где я?

Немыслимое множество вопросов запустило воспоминания. Последний момент: из моих ладоней льётся сиреневое сияние, которое не даёт твари пройти через закрывающийся портал. Мать, лежащая без движения с разодранной спиной. Находясь в непонятном для себя состоянии, я впервые увидел свои чувства. Страх предстал серой тягучей массой, похожей на болотную жижу. Гнев яркими красными росчерками, напоминающими молнии, ненадолго осветил бесконечную темноту. Любовь розоватыми мазками начала заполнять пространство вокруг меня.

А это что? Сиреневый туман клубится невдалеке, показывая образы знакомых людей... и не знакомых. Вот мистер Грэмси... он сидит напротив меня в машине на водительском сидении, передаёт в руки рюкзак и желает всего хоро-

шего. Кейси, отчего-то со смазанными чертами лица, отпускает пару колких шуточек в адрес сходящих с борта катера пассажиров. Чарли Кормак, мой однокурсник, который погиб в аварии с родителями, когда я учился в колледже. Последним был неизвестный мужчина в кожаном жилете с плетёным поясом и широких штанах, напоминающих юбку. Лицо незнакомца выглядело вполне обычно (ну, почти обычно): длинные чёрные волосы, заплетённые в косу, высокий лоб, густые брови вразлёт, суровый взгляд абсолютно чёрных глаз, нос с небольшой горбинкой. Губы отчасти спрятаны под густой щетиной. Она опускалась ниже, закрывая собой подбородок. Скулы гладко выбриты.

Не знаю почему, но мне захотелось зайти в сиреневый туман. Двигать конечностями я не мог, потому что просто не ощущал тела. Но стоило подумать, как тут же перенёсся в центр клубящегося нечто.

Дымка растворилась, и я увидел каменные стены длинного коридора. На них танцевали отблески факелов, роняющих обгорелое тряпье.

– Пречистые боги! Артур! – вскрикнул знакомый женский голос позади. Я обернулся. Ко мне бежала женщина, одетая, как арабская красавица: широкие штаны, майка на бретельках, вуаль на голове. Серые волосы и синие глаза, а также татуировка на левой руке дали понять, что это Одри. Она была выше меня, намного.

Мать опустилась на корточки и взяла меня на руки. Я

стал меньше? Что за бред? Всё это казалось мне знакомым, словно переживал сей момент заново, испытывая те же ощущения. Почувствовав себя в безопасности, находясь в материнских объятиях, я положил голову на оголённое женское плечо. Мой взгляд устремился в другую сторону коридора. За нами бежал тот самый мужчина, с чёрными глазами и волосами, заплетёнными в косу. В одной руке он держал факел, освещая путь, а в другой... Мне кажется или это меч, как в Игре престолов?

– Направо! – рявкнул незнакомец, когда мать заметалась на развилке. – Потом налево! Я за вами! Ну же! – указал он мечом направление, приказывая двигаться дальше.

По гулкому коридору пронеслась череда незнакомых, но очень громких и злых возгласов. Первая мысль: за нами гнались.

Мы вышли на поляну, и меня опустили на траву.

– Открывай портал, – выбежав из прохода в холме, черноглазый тут же приказал действовать.

– Но как же страж!? – взбунтовалась мать. Я держался ручонкой за штанину Одри, глядя при этом на мужчину с мечом. Почему мне кажется, что я его знаю? Видимо, я повредился головой, когда падал, либо до сих пор сплю в собственной постели, а всё происходящее – донельзя странный сон.

– Либо страж, либо они, – черноглазый незнакомец кивком указал на выход из тоннеля. – Мне уже не жить. А вы – должны.

– Я не пойду без тебя! – сорвалось с моих губ.

Что? Я ещё и отпускать его не хочу? Мужчина грустно улыбнулся. Он подошёл ближе и присел на корточки, воткнув меч в землю. Положил сильную руку мне на плечо.

– Ты должен беречь мать. Слышишь? Считай это моим желанием. Я желаю, чтобы ты её берёг, – он проговорил каждое слово настолько чётко, что они отпечатались в мозгу. – Ты ведь исполнишь моё желание, юный дракон?

Я кивнул, хотя и не понимал, при чём тут драконы. Вернее, я вообще ничего не понимал.

Тем временем мужчина кивнул моей матери и направился к выходу из тоннеля, прихватив меч. Факел он отбросил в сторону, и огонь принялся жадно пытаться уничтожить траву.

– Пиртерия!!! – вскрикнула Одри, но мужчина не повернулся. – Ваше Величество! – по-другому позвала она. Сработало. Мужчина остановился и обернулся. На лице всё та же грустная улыбка. – Обещайте мне, что мы встретимся!

– Обязательно, Луна моя. Я буду тебя ждать в другом мире. – Он повернулся всем телом и, разведя руки в стороны, сделал учтивый поклон...

Я проснулся совершенно неожиданно для себя. Ощущения вернулись, как только туман рассеялся, и резкая боль во всём теле выдернула меня из этого бреда. Пошевелиться я по-прежнему не мог, как ни старался. Попробовал сказать пару слов, а вместо этого услышал еле различимый

хрип, раздирающий горло. Зрение фокусироваться не желало. Первая мысль: я дома. Стало немного легче. Но низкий бархатный голос, доносящийся из дальнего угла, поселил некое сомнение внутри.

– ...Повезло, что жив остался. Ещё бы немного, и поминай, как звали. Хорошо, что силой парень пользовался недолго.

Кажется, это не сон... Или бред, что рождала моя голова, которая тоже невыносимо болела, до сих пор продолжается. В горле всё больше сушило, словно внутри пустыня Сахара образовалась. Я даже еле ворочавшимся языком ощущал песок или нечто наподобие его. Тем временем разговор продолжался. Зрение меня подводило, а вот слух, зараза, чёткий, как у самого настоящего слона! Второй голос, женский, из того же места доносился до ушей, которые хорошо хоть не были такими большими, как у вышеупомянутого мною животного.

– А как Одарис?

Мама... Я снова вспомнил момент, когда она лежала лицом вниз в траве, с разодранной спиной. Следы от когтей не менее кошмарного их обладателя, выглядели ужасающе. Внутри всё похолодело. Знакомое ощущение в груди начало расплзаться в стороны, по новой приливая к рукам.

– Кэсэ исцелила её раны, забрала боль, – ответил мужской голос. – Но её магия... Яд Стража убивает всякое магическое проявление. Одна капля способна навсегда превратить лю-

бое существо в человека. Думаю, стоит ей сказать, что с силой можно попроситься.

Одри жива. Я не мог не радоваться услышанному. Хоть и полагал, что всё это один сплошной кошмар, но волнение за жизнь матери было настоящим. Слова о том, что с ней всё в порядке, грели мне душу.

Я попытался встать. Боль начала вгрызаться в тело сильнее, словно голодный хищник. Не выдержав мучений, я закричал, но опять же только хрипы слетели с губ.

– Очнулся, – сказал мужской голос.

Я услышал стук сапог о – деревянный? – пол. У меня в спальне паркет, но чтобы он звучал именно так? Доски закрипели. Нет, я не в своей комнате. И похоже, что это вовсе не сон.

Надо мной нависла тень. Я с трудом различал фигуру человека, стоящего рядом с кроватью. Единственное, что уловил: голова белая, а тело чёрное.

– Тебе рано вставать, парень. Полежи немного. Силы ещё не восстановились. Пару дней придётся поваляться тут, – сообщил неизвестный низким мелодичным голосом.

Я услышал в тембре неизвестного мужчины странную певучесть. Он словно растягивал фразы. То ли хотел, чтобы я лучше понимал, то ли просто так говорит. Узнать, какой из вариантов верный, мне не удалось. Тёплая рука коснулась моего лба, и я тут же провалился в беспомощность.

Не знаю, как долго я спал. Ничего не снилось, не было

странного бреда с мечами. Тяжёлым прощанием, обещаниями и прочими недоразумениями, которые возникали в голове.

Открыл глаза. Зрение тут же сфокусировалось на высоком тёмном потолке. Первая мысль: он каменный. Немного поразмыслив на тему «Что вообще тут происходит», я попробовал поднять голову. Нет боли, сковывающей тело, ничего в груди не клокочет. Вспоминая полное отсутствие голоса, решил применить и эту теорию на практике. Немного прокашлялся, приложив кулак к губам. Всё работает как надо и присутствует.

– Всё ждала, когда ты проснёшься, – прозвучал напротив высокий девичий голос.

Я приподнялся на постели и посмотрел в сторону прямоугольного высокого оконного проёма без стёкол, ставней и прочего, что препятствовало бы проникновению прохладного ветерка в просторную комнату.

У окна сидело нечто странное. Вроде бы девушка в свободной рубашке и кожаных штанах, на которых сбоку от бедра до щиколотки были завязки. На ногах полусапожки на плоской подошве. Но! Из-под пышной рыжей шевелюры торчали на макушке два лисьих уха, а также я не мог не заметить пушистый хвост, который покачивался туда-сюда, подметая участок дощатого пола.

Я невольно вздрогнул. Сильно меня приложило, однако. Так головой повредился, что девушки с хвостами мерещат-

ся. Нет, это не может быть моей фантазией... Боже! Нет! Зажмурился и встряхнул головой в попытке отогнать галлюцинацию. Когда открыл глаза и посмотрел в сторону окна, то девушки уже не было. Уф! Ну наконец-то просветление! Чего только спросонья не привидится!

– Ты странный, – слышалось сбоку.

От осознания того, что рыжая странная девушка сидит на кровати, я отскочил в сторону, едва не свалившись на пол. Покрывало, которое больше напоминало половую тряпку, хоть и чистую, сползло до бёдер, и я обнаружил, что я ГОЛЫЙ! Абсолютно! Как младенец!

Кто меня раздел и зачем? Для убедительности заглянул под ткань и смекнул, что девушка меня всё же видела в неглиже. Почувствовал, что весь краснею. ВЕСЬ!!! Казалось, что я сейчас красной краской даже подобие одеяла испачкаю – как было стыдно перед... этим... этой... В общем, перед полу человеком, полу- – не знаю чем.

Я начал натягивать покрывало на себя, нащупывая рукой и медленно подтягивая ближе к... Надо мне прикрыться, иначе я просто умру. Либо от холода, либо от невыразимой стыдобы, которая съедала меня сейчас заживо!

– Ты точно странный, – заключила девушка, повернув голову вправо и посмотрев на меня прекрасными оранжевыми глазами.

Это я странный?! У меня нет торчащих мохнатых ушей с кисточками на конце, нет оранжевых глаз и уж тем более

нет хвоста! От одной мысли о нём становилось плохо!

– Кто меня раздел? – подал голос я с края кровати, продолжая комкать ткань.

– Я, – ответила быстро хвостатая незнакомка.

– Обычно я знакомлюсь с девушкой прежде, чем она увидит меня голым, – ляпнул я. И с чего вдруг?

На мою реплику незнакомка смущённо похихикала, чем заставила побагроветь ещё больше. Я так себя ощущал. Лицо горело, как и шея, а также уши, глаза, ногти, волосы – да вообще всё горело! Пока я лежал без сознания, она меня раздела и уложила на эту постель. Мило... до ужаса.

Неприятные знакомства на этом не закончились. Дверь за спиной девушки распахнулась, и внутрь вошёл ещё более странный мужик. Прямо день открытый какой-то. Серо-коричневая кожа парня и сиреневые глаза пугали ещё больше, чем хвост и уши... Кстати про них – из-под белых, как снег в горах, волос, на висках заплетённых в косички, торчали острые кончики таких же серых ушей.

– Кэсэ? Я где тебе велел быть? – недовольно проворчал мужчина. Он засунул руки в карманы кожаных штанов.

– Но Анви, я ... – попыталась оправдаться хвостатая девушка, чем вызвала гнев собеседника.

– Ауннавин, к твоему сведению, – напомнил серокожий. – А ну, быстро ушла! Одарис зелье нужно, а ты тут пугаешь гостя. Быстро, я сказал! – он указал рукой на распахнутую дверь и посмотрел сурово на уже трясущуюся рыжую дев-

чушку.

Кэсэ – так назвал её странный человек – соскочила с кровати и помчалась прочь, исчезнув за дверью.

– Она тебя разбудила? – спросил спокойно незнакомец.

Я узнал его голос. Певучий, бархатный. Он обволакивал слух приятным тембром. Именно его я слышал, когда первый раз очнулся. И судя по виду, именно его обладатель нависал надо мной, советуя отдохнуть.

– Меня зовут Ауннавин нор Кладдурден. Я друг твоей матери, Одарис, – представился странный мужчина. – Кстати, я – дроу.

Последняя фраза ни о чём мне не говорила. Единственное знакомое слово – «эльф». И то знаю я его только потому, что в школьные годы фанател от «Властелина колец».

Тем временем, Ауннавин приблизился ко мне и присел на кровать. Теперь я мог рассмотреть его, как следует. Дроу – что это означает, я знать не знаю – имел достаточно красивую внешность. Лицо хоть и серо-коричневое, но человеческие черты улавливались хорошо. Если убрать уши и цвет кожи – не отличишь.

Белые волосы на висках заплетены в косички, а сзади распущены. Светлые брови и ресницы, сиреневые глаза, причём казалось, что они светились. Прямой нос, выразительные губы, ровный подбородок. Сбоку на шее странная татуировка в виде незамысловатого узора со странными надписями. Она опускалась по оголённому плечу и ползла по руке до само-

го запястья. На подтянутом тренированном теле несколько длинных шрамов.

– Где моя мать? – спросил я с тревогой. Перед глазами стоп-кадром зависла картинка, на которой моя мать если не умирала, то истекала кровью. Тревога вновь расплзлась внутри.

– С ней всё в порядке, могу тебя заверить, – пообещал эльф.

– Поверю, когда увижу, – настоял я. – Отведи меня к ней.

– Хорошо, – отчего-то недовольно вздохнул Ауннавин. – Одежда позади тебя, под подушкой, – кивнул он мне за спину. – Одевайся, я буду ждать тебя за дверью.

Серокожий мужчина встал и грациозной походкой вышел из комнаты, не сказав больше ни слова. А я откинул покрывало и встал с кровати. Из-под подушки достал то, что эльф назвал одеждой: широкие штаны, напоминающие юбку с подолом до самых пяток, и синий жилет на золотых продолговатых пуговицах. Как только, с большим трудом и периодическим нецензурным ворчанием, я оделся, то в поисках обуви заглянул под кровать. Оттуда взял плотные полузакрытые тапочки.

Зеркала не было, а потому я не знал, как выгляжу. Что ж, будем надеяться, что не слишком ужасно.

Глава 6

Мы шли по огромному сводчатому коридору. Каменные стены и пол каждый шаг превращали в бьющееся эхо, летящее впереди нас. Я смотрел, как замороженный, на это чудо света. Не мог понять, сплю я до сих пор или всё происходит на самом деле.

Дроу шёл впереди меня. Только сейчас я обратил внимание на его спину. Вся в длинных глубоких шрамах, видимо, от плети. За что его так наказали? И кто? Били, судя по количеству, долго и со знанием дела.

Из пустого коридора, освещаемого большим количеством факелов, мы вышли на винтовую лестницу. В нашем мире это самые опасные конструкции. Сколько людей с них падало и ломало себе шеи – статистику теперь сказать не могу точно. Но очень много. Причём те лестницы были оборудованы перилами и широкими ступенями, а тут... Вокруг каменного столба на всю ширину до прилегающей стены шли треугольные ступени. Ни поручней, ни перил. Так и упасть недолго. Несмотря на всё неудобство данного спуска, эльф буквально в припрыжку летел вниз, а я, словно бабулька на ходунках, опирался на стену, чтобы избежать неудачного падения. То, что оно будет именно таким, я и не сомневался. Удача меня покинула после того, как Аида появилась в моей жизни. Я так думал. И настраивал себя на то, что неудачи

следуют за мной по пятам.

Наконец, я ступил на твёрдую плоскую поверхность. Первым же делом встретился с недовольным взглядом сиреневых глаз. Ауннавин смотрел на меня, сложив руки на груди и наклонив голову немного влево.

– Я всё понимаю, Ваше Величество, но можно побыстрее? Мне казалось, что эти стены должны быть тебе роднее некуда, – высказал своё недовольство серокожий.

«Ваше Величество» – это он так поиздеваться надо мной решил? Умно, чувство юмора эльфа я оценил на пять баллов, комментарии и вопросы отсутствуют. Идеальный подкол: я медлительная старушка, имя у меня более чем королевское, дайте мне круглый стол и меч Экскалибур – вот вам и король. От такой мысли стало смешно. Я подавил улыбку, окинув насмешливым взглядом дреу, стоящего напротив.

Тот отреагировал молниеносно: его надменность сменилась вопрошающим видом, а руки тут же опустились вдоль тела, словно он чего-то испугался, меня, например. Я уже привык к состоянию полного непонимания, а потому не придал этому значения.

Я жестом пригласил Ауннавина следовать впереди. Тот коротко кивнул и быстро направился по коридору. «Декорации» сменились. Теперь коридор, по которому меня вёл эльф, был несколько ниже и шире. Не было сводчатых потолков, левая стена содержала оконные проёмы, а на правой висели портьеры, отчасти скрывающие деревянные две-

ри. Между тканевыми полотнами – картины, нарисованные весьма искусно. Богато одетые люди словно смотрели на меня с холстов, провожая взглядами.

Моё внимание привлёк один портрет. С него на меня смотрел суровым взглядом чёрных глаз мужчина в королевской мантии. Я видел эту, по виду королевскую, особу в своём сне. Хотя больше склоняюсь к названию «полный невменяемый бред». Но факт оставался фактом: я видел его. Всё та же внешность, застывшая на холсте, только одежда другая.

– Кто это? – спросил громко я, повернувшись.

Ауннавин не заметил, что я остановился. Он продолжал шагать по коридору, словно конвоируемый, заложив руки за спину. Услышав мой голос, эльф тут же развернулся, направившись ко мне. И почему мне кажется, что он смотрит на меня, как на полного идиота?

– Ты спрашиваешь, кто он? – удивлённо поинтересовался дроу, кивнув на портрет. Но снова, увидев моё выражение лица, которое ничего хорошего не значило, стушевался и спокойно ответил на вопрос.

– Это король Пиртерия Ужасный. Чёрный дракон Фирина.

«Пиртерия! Ваше величество! Обещайте мне, что мы встретимся!» – прозвучал голос матери, которая обращалась в моём сне к этому мужчине. Оказывается, он на самом деле король. Хотя как тут не догадаться, что это царская особа, на нём же мантия. Похоже, я и правда полный идиот. Внутри возникло странное чувство близости. Мне очень хотелось

узнать о нём побольше.

– Расскажи о нём. Ну, пока мы блуждаем по этим коридорам, – попросил я.

Серокожий мужчина окинул меня понимающим взглядом – с чего бы? – и улыбнулся уголком губ.

– Хорошо, я тебе расскажу, – согласился он.

Я слушал певучую речь эльфа, который размеренным шагом следовал рядом со мной. Он рассказывал подробно, словно сам видел каждый момент, о котором говорил. Из его летописного и последовательного рассказа я понял, что Верховный король семи царств Фирина правил достаточно долго. И очень сурово. Постоянные войны и бесчисленные казни непокорных были лишь малой частью того, что делал узурпатор-дракон. Почему Ауннавин называл его ящероподобным существом, я немного не понял (да, снова я в роли тупицы!), но продолжил слушать дреу.

Пиртерия постоянно захватывал земли и острова, расширял владения королевства. Однажды ему рассказали о таинственном острове у самого края мира, где живут неведомые создания. Грифоны. Они владеют магией четырёх стихий и имеют необычную ипостась превращения. Король загорелся идеей завоевать остров.

Он справился с задачей. Вернее, не он, а его подданные, которые по старинным чертежам создавали корабли для армий, подчинённых при захвате городов. Тоже мне, покоритель зари. Свою жестокость он применил и там. Островитян-

ки были на редкость красивы, и дракон решил их сделать рабынями. Всех мужчин на острове он убил, даже детей, чтобы однажды это завоевание не обернулось против него.

Взяв себе самых красивых наложниц, Пиртерия позволил своим подданным взять по паре девушек в качестве прислужниц в богатых домах и замках. Жена короля, Селеста, также не осталась обделена. Она взяла себе пару завоёванных женщин, чтобы они её мыли, одевали, приносили еду... и выполняли любые поручения, какие только захочет королева.

Королю не пристало хранить верность женщине, тем более, королеве, а потому он ходил по наложницам. У него был самый красивый гарем, который только можно себе представить. Все девушки были прекрасно одеты, ухожены и сыты. А за «доброту» они платили королю любовными утехами. Прямо миротворец, больше сказать нечего.

Одна из таких ночей изменила всё. Девушки приходили к нему в покои по одной или по две, зависело от настроения короля. Самая прекрасная рабыня посетила его в полночь. У неё были седые волосы и потрясающие синие глаза. Когда светила полная луна, наложница была особенно красива. На запястья всем красавицам король приказал надеть подавляющие магию браслеты, потому нисколько не опасался за свою жизнь. Он ею наслаждался.

Постойте-ка! Мне сейчас опять показалось, уже в который раз причём, что эльф описал мою мать? Нет, она же не могла

быть подстилкой короля! А когда я услышал ещё из уст се-рокожего рассказчика, что у них родился сын, унаследовавший внешность Пиртерии и его магию, то мне вообще стало не по себе. Имена матери и ребёнка Ауннавин предусмотрительно не называл, поэтому мне очень захотелось узнать, в правильном ли направлении я думаю.

– А как звали ту наложницу?

– Одарис, лунный грифон южных островов, – певучим голосом ответил дреу, снова посмотрев на меня с неким удивлением.

Чего? Я точно болен. У меня проблемы с восприятием мира, я слепой, тупой и глухой. Это в большинстве случаев смертельно, но я дышу, хожу и чувствую. Либо Ауннавин решил меня сегодня вывести из себя, либо мне срочно нужно спросить у матери всё, что я до этого пообещал не спрашивать. Потому что это невыносимо! Если наложница короля – моя мать, то я... Даже думать об этом не хочу, пока всё не узнаю! Нет, неправильно выразился! Я вообще знать этого не хочу!

Тем временем, пока я подавлял приступ паники и одновременно с этим приступ ярости, мы продолжали идти. Коридоры больше не были пустыми, теперь по ним сновали люди, некоторые обычные, а некоторые не совсем. И все смотрели на меня таким взглядом, словно у меня на лице нет кожи и мышц, только голый череп, внушающий страх. Мне немедленно надо посмотреться в зеркало.

Пока я думал, где мне увидеть собственное отражение, мы подошли к одной из дверей. За ней раздавалось шипение и... лай Бонди! Все свои желания и сомнения я отставил на второй план. Тут же ворвался в комнату.

Первое, что увидел: чёрный лабрадор с невероятным остервенением лаял в сторону окна, на котором, поджав ноги и агрессивно шипя, словно кошка, и отмахиваясь рукой с длинными коготками, сидела моя утренняя знакомая, Кэсэ.

– Бонди! Фу! Фу я сказал! – рывкнул я на пса. Тот затих, тут же посмотрев на меня.

Вернее сказать, на меня посмотрели все, кто был в комнате. Пара девушек в невзрачных платьях, влипших в углы просторной комнаты, один паренёк, выглядывающий из-за красной шторы, Кэсэ, замершая в оконном проёме. Даже взгляд Ауннавина я чувствовал на своей спине. Он прожигал меня насквозь.

– Ты чего тут всех пугаешь? А? – продолжил отчитывать.

Я присел на корточки и привычно распахнул объятия. Бонди завилял хвостом и приветливо проскулил. Он тут же помчался ко мне. Я и представить себе не мог, что собака так по мне соскучится. Пёс радостно набросился на меня и повалил. И как всегда, начал облизывать лицо. Собачьи слюны я привык уже чувствовать.

– Ну всё, всё! Хватит! Я тоже рад тебя видеть, проказник! – приподнялся я, закрываясь рукой от назойливой морды лабрадора.

Пси́на немно́го успоко́илась. Тепе́рь я смо́г поглади́ть её по холке, по трепать по голове, что несказанно нравилось псу. Он высунул язык и прищурился.

– Это мешало нам лечить твою мать. Никого не подпускал, словно злобная зверюга из подземелья, – сообщил Ауннавин. Он недоверчиво поглядывал на то, как я ловко подчинил себе непонятное ему животное.

– Он не «это», – поправил я, встав на ноги. – У него кличка есть. Бонди, сидеть, – приказал лабрадору. Тот послушно выполнил то, что ему велели.

– Как ты с ним управляешься? Мы тайком пробирались в покои Одарис, пока это... Бонди не было здесь. Кэсэ делала ей перевязку, поила отварами и обрабатывала мазями раны, – снова заговорил дроу.

– Просто сказали бы ему «сидеть» или «лежать», – пожал плечами я. Бонди никогда не накидывался на незнакомцев. Он вёл себя хорошо, даже льнул к гостям, чтобы те его погладили или поиграли с ним. С чего такая агрессия к Кэсэ и остальным – кстати, они всё ещё дрожали по углам – не пойму.

– Так просто? – спросила рыжая девчушка. Она не решалась ступить на пол, продолжала смотреть с подоконника то на меня, то на пса.

– Да, он понимает команды. Я его дрессировал.

Для достоверности, чтобы никто больше не получил сердечного приступа, когда увидит собаку, продемонстрировал,

на что Бонди способен. Использовал самые простые команды: лежать, сидеть, переворот, принеси. С последним возникла заминка – я не знал, что кинуть псу, чтобы он принёс мне обратно. Наконец, заметил на подставке возле кровати что-то наподобие длинного гребня и бросил в дальний угол. Предмет упал прямо возле портьера, которая дрожала вместе с тем, кто за ней прятался.

Когда пёс подбежал к завесе, паренёк затрясся ещё сильнее. Ткань прямо ходуном заходила. Но Бонди, не обратив никакого внимания на испуганного человека, схватил аккуратно зубами гребень и принёс мне, положив под ноги.

– Видите? – указал рукой я. – Он послушный.

– Это он тебя слушает! – возразила Кэсэ.

Да что ж она сидит на месте, как приклеенная!? Не верит. Ладно. Продемонстрируем наглядно, что пёс не опасен для людей. Я присел на корточки и сказал псу, чтобы он подошёл к той портьере. Все неотрывно слушали и наблюдали за моими действиями. Ауннавин насторожился, а паренёк, который стоял за шторкой, начал икать от страха. Оно и понятно: проверять свою теорию я буду именно на нём.

Бонди подошёл к завесе, скрывающей молодого человека и сел напротив. Два раза пролаял, делая небольшую паузу.

– Он просит тебя выйти, – громко пояснил я парню. Портьера вздрогнула и немного отодвинулась. Светловолосый молодой пацан, трясясь и икая от ужаса, объявшего его, неотрывно смотрел на собаку. – Не смотри ему в глаза, – по-

советовал я. – Для него это вызов. Смотри на нос – да куда угодно, главное, не в глаза. Ты незнакомый для него, так что пока не будем играть в переглядки.

Парень от услышанного закрыл глаза совсем и начал медленно оседать по неровной стене, пока не приземлился на пол. Он не прекращал трястись, прерывисто дышать и ..., по-моему, он молился. По крайней мере, то, что он бормотал полущёпотом, я воспринимал не иначе, как молитву.

Лабрадор подошёл и начал его обнюхивать с ног до головы. Он делал это кропотливо, собаки совершают такую процедуру, когда встречают новых людей, стараются запомнить запах, который исходит от него. Дрессировщик, который помогал мне с коротким обучением Бонди, говорил, что для пса запах имеет определённый цвет или отпечаток. Так они ориентируются.

Покончив с изучением нового друга, пёс принялся лизать запястье парня.

– Он его съесть хочет? – поинтересовалась Кэсэ. О, да, она до сих пор там же, где и была.

– Он приветствует нового друга, – улыбнулся я. – И хочет, чтобы ему ответили тем же.

– Его что, надо в ответ облизать? – поморщилась рыжая.

– Нет, – засмеялся я открыто. Вопросы, которые она задавала по незнанию, вполне уместны, но уж очень смешные. – Всего лишь надо его погладить! Эй, парень, отомри! – сквозь рвущийся наружу смех, сказал я.

Блондин открыл глаза и посмотрел на собаку. Трясущейся рукой потянулся к его голове.

– Увереннее, ты человек, он собака. Покажи, что ты его не боишься, – новый совет сорвался с губ. Да уж, уверенности не занимать этому парню. Так и до супермена дорости недолго, при условии, что от страха не умрёт.

Словно через силу, парень рвано выдохнул и погладил Бонди. Я, наверно, скажу глупость, но мне показалось, что он подчинился потому, что ему так сказали, а не потому что он сам хотел погладить лабрадора. Странное ощущение лезвием резануло внутри. Что-то не так. Я доверял своему предчувствию, оно меня почти никогда не обманывало. Эти люди смотрят на меня так же, как те, в коридорах, словно у меня маска для Хэллоуина на лицо надета.

Немного посомневавшись, я посмотрел на не застеленную кровать. Одри в ней, очевидно, не было, а потому, следующий вопрос, который я задал, был именно об этом.

– Где она?

– Там, – наконец-то соскочившая с излюбленного места, Кэсэ кивнула в оконный проём.

Я забеспокоился. Мало мне ночных кошмаров, монстров и прочей нечисти, окружившей меня в последние дни, так я ещё сам себе их придумывать начал. Мне показалось, что Одри бросилась из окна. Какая невиданная глупость. Но всё же к окну, если можно его так назвать, я подошёл и глянул вниз.

Это точно Одри? Седые волосы трудно не различить, а вот одежда, а также то, что она умело управлялась с оружием, меня заставили задуматься. Моя мать сражалась на мечах с опытным противником.

Глава 7

Я шёл по длинному широкому коридору, осматриваясь по сторонам. Вернее сказать, я вертел головой, изо всех сил стараясь не выражать явственного удивления. Чувствовал некое сомнение по поводу того, что если озвучу громко то, что вертится в голове от наплыва чувств, то меня свяжут, осудят и отправят на казнь. Создавалось впечатление, что от меня ждали понимания и принятия происходящего.

Пса я накормил и тот помчался исследовать окрестности. Его реакция на Кэсэ была вполне понятна. Она похожа на кошку больше, чем, вероятно, сама осознаёт. К тому же, Бонди воспринимает своеобразно всё новое, а тут... девушка с хвостом и ушами. Я бы тоже ощерился, будь я собакой.

Лязг металла и ожесточённые вскрикивания становились громче. В данный момент мы шли по коридору первого этажа. Широкие окна через, примерно, каждые десять метров давали возможность разглядеть внутренний двор. Но я не останавливался, непрерывно следуя за своим проводником. Ауннавин не торопился, грациозной походкой следовал впереди, заложив руки за спину, но всё равно я едва поспевал. На его один шаг приходилось моих два.

Наконец, мы добрались до главного выхода. Огромные железные ворота толщиной с ладонь вместе с пальцами предстали глазам. Я с трудом подавил восторженный вздох. Мас-

штабы гигантских дверей не укладывались в голове. Да и коридоры предназначались явно не для людей. Либо здесь делают всё с невероятным размахом, либо этот замок – а то, что это именно он, и никак иначе, я был абсолютно уверен, – специально построили с расчётом на габариты хозяина.

Я представил себе на мгновение, как огромный крылатый ящер с плотной чешуёй, мощным телом и вооружённой острыми зубами и рогами головой приземляется возле дверей замка и без труда проходит внутрь.

Тряхнул головой, отгоняя навязчивое видение. Дракон был абсолютно чёрным, с горящими красными глазами. Утробное рычание слабым эхом разносилось по всему внутреннему двору, а после и прокатывалось по коридору первого этажа... Да что ж такое! Всё похоже на бред, но моё сознание в этот миг со мной не согласилось. Ощущение дежавю острым лезвием прошлось по груди, заставив вздрогнуть – я тут был. И человека на портрете видел, и дракона...

Нет. Это сон. И я не куплюсь на пугающую реалистичность места, чёткость звука и яркость света.

Пока я боролся сам с собой, готовый вцепиться себе же в горло, мы вышли на улицу и спустились по огромной каменной лестнице с широкими ступенями. Я вернулся в реальный мир, покинув ментальный ринг, и успел рассмотреть на ступенях следы сколов, когтей, последствий ударов чего-то большого.

Очередной вскрик матери заставил повернуть голову

и посмотреть. Серые волосы завязаны в хвост, прихваченный яркой красной лентой. Одежда своеобразная: обтягивающие штаны из тёмной ткани, рубашка с не слишком широкими рукавами и голубой жилет на завязках поверх неё. Одри выглядела великолепно и весьма грациозно. Она умело управлялась с острым мечом, лезвие которого то и дело отражало лучи яркого солнца.

Соперником Одри был высокий худощавый парень с недлинными волосами. Они едва прикрывали продолговатые уши. Такие же, как у Ауннавина. Сам мужчина со светлой кожей, красивой внешностью. Прежде чем он извернулся в очередной раз, весело парируя удары мамы, я успел заметить, что у него яркие зелёные глаза.

Молодой человек был одет в тёмную облегающую рубашку с неглубоким воротом, а поверх неё зелёный жилет. Штаны полностью тканевые, такого же цвета, что и верх, только виднелся мелкий рисунок по всей длине штанин, с внешней стороны бедра.

После серии прыжков, подсечек и ударов с хлёсткими замахами парень резко повернулся, зайдя матери за спину, и толкнул локтем, молниеносно подставив подножку. Одри упала и выронила меч, а соперник навис над ней, приставив лезвие к шее поверженной.

– Тебя не трудно было прочесть, – заговорил звонким голосом противник. – Ты всегда отводишь правое плечо назад, когда замахиваешься. Из-за этого теряешь драгоценное вре-

мя, которого у тебя не будет в настоящем бою. Пара таких замахов, – продолжал он, – и твой соперник быстро использует слабое место, чтобы убить тебя.

Мать бесстрашно пальцем отодвинула лезвие от себя и встала. Парень не спешил нападать, он опустил меч, ожидая ответа от Одри.

– Мне повезло, что ты мне поддавался, Сулмельдир, – заявила она.

– Поддавался? Да я поспать успел девять раз, пока ты пыталась меня ранить, – засмеялся длинноухий.

– Придёт время, и я уложу тебя на лопатки, Сул, – в ответ высказалась Одри. Она словно не замечала никого вокруг, смотрела только на собеседника.

Меня поразили сомнения. Они блуждали в голове, словно дрейфующий косяк рыб, неся одну единственную мысль: моя мать – лгунья. Она ведёт себя с людьми, словно знала их всю жизнь. Более того, они сами готовы помогать во всём, даже в тренировках. То, что это была именно она, я догадался только что.

Догадки посещают всё чаще. Я их отмечаю, думая, что это наваждение. А может, не стоит? Что если все ответы лежат на поверхности? В этот миг осознал, что Одри знает всё. Она мне расскажет. Но как спросить об этом? Страх, который гложет изнутри, страх обидеть и причинить боль, мешает сделать первый шаг. Пора с этим заканчивать.

Вспомнил момент, когда привёл Аиду домой. Мать изме-

нилась в лице и перестала быть доброй и чувствительной. Впервые увидел её озлобленной и решительной, а не слабой и беззащитной. Может, она действительно такая, какой показалась в тот миг?

– Возможно, однажды это случится, Одарис, – приветливо улыбнулся Сулмельдир. – А что насчёт него? Он, как-никак, наследник, – и кивнул в мою сторону.

Кто я? Наследником чего я являюсь? Всё, хватит строить из себя идиота, пора заканчивать этот спектакль.

– А наследник хочет узнать у своей матери одну вещь, – вскинул я бровь, набравшись смелости. Только что видел, как мать умело обращается с оружием. Публично она не посмеет изображать слезливую матушку. – Может, ты скажешь мне правду?

Вокруг было немного народа: пара человек в простенькой одежде, Ауннавин позади меня чуть в стороне, рядом с ним ещё парочка таких же серокожих эльфов, их светлый собрат удивлённо смотрит на меня, хотя кажется, что уже обвинил во всех смертных грехах и казнил мечом, который в руке держит. И Одри... безразлично смотрит на меня, словно я не её сын, а кошмарная тварь, которую не стоит недооценивать.

– Я жду, – поторопил, всё больше набираясь злости. – Хочу узнать, как долго ты мне врала.

– Давай не здесь, Артур, – ошарашенно обведя толпу взглядом, попросила мать.

– Нет, – оборвал я категорично. – Здесь и сейчас. Иначе ты опять сделаешь вид, что я такой невоспитанный и жестокий, расспрашиваю, обижая и оскорбляя твои нежные чувства. Говори. Я повторять дважды не буду.

Одри снова оглядела присутствующих. Видимо, она понимала то же, что и я. Все ждали ответа. Обо мне, о моём «странном» поведении.

– Живо! Сказала! Мне! Правду! – гаркнул я так, что несколько эльфов вздрогнули и тихо ужаснулись. Ничего, потерпят моё недовольство. Я должен знать, почему все кругом чего-то хотят от меня, наследника «чего-то там».

– Не ори на меня! – огрызнулась Одри.

Вот она... настоящая. Не та женщина, милая и безропотная, практически святая, а интриганка, без зазрения совести лгавшая мне столько лет. Предчувствую, что разговор предстоит долгий.

– Или что? – уже не мог остановиться. Хотелось вывести эту бестию на чистую воду. Надоело терпеть обман. – Убежишь в слезах отсюда, завернёшься в покрывальце и будешь строить из себя обиженную девочку? А? Что ты можешь сделать, кроме того, что врать мне без конца?! – проорал, подавшись вперёд.

– Артур, успокойся, – посоветовал мне Ауннавин. Он положил ладонь на плечо, слегка сжав.

Ну, всё. Хватит с меня драматичной сцены. Раз я наследник, не важно, чего или кого, должны меня слушать. Вот

и проверим.

Повернулся, окинув гневным взглядом дроу с ног до головы. Тот изменился в лице. Но ладонь не убрал.

– Ещё раз меня тронешь, – прорычал я, – и я твою руку засуну тебе так глубоко в задницу, что тебя придётся надвое разрезать, чтобы её оттуда вытащить. Отошёл и заткнулся. Приказ понятен? Или тебе, как и ей, придётся по три раза напоминать?

Испуганно вздрогнув, Ауннавин тотчас же убрал ладонь с моего плеча и склонил покорно голову. Страх снова посетил меня. На сей раз я испугался за свою жизнь. Мысль «А что, если он мне врежет, как следует, или убьёт и меня, и мать?» Ненадолго закрепились в мозгу, но поведение дроу рассеяло последние сомнения.

– Как прикажет Ваше Величество, – выдал он хрипло, отойдя на четыре шага назад. Как обычно, заложил руки за спину.

– А теперь, я слушаю, *мама*, – грозно проговорил я, сделав акцент на последнем слове.

Хотелось при этом добавить: «Кто ты, и куда дела мою мать?» Самый своевременный вопрос, на мой непрофессиональный взгляд.

– И какую правду ты хочешь услышать? – спросила Одри. Она наверняка понимала по взглядам присутствующих, что им тоже требуется разъяснение.

– Всё. Он начала и до конца, – потребовал решительно. –

Почему все на меня смотрят, словно я монстр какой-то? С какой стати они называют меня «Ваше Величество» или ещё как-нибудь по-королевски, повинуются любому моему слову? Почему?!

– Да потому что ты тут родился! – выпалила мама отчаянно. – Ты сын мое... их короля.

Я увидел, как на глаза матери навернулись слёзы. Они сейчас были настоящими. В этом абсолютно уверен. И Одри не лгала. Но как такое может быть? Я помню своё детство, помню всё, что происходило со мной в Санта-Монике, а после в Лонг-Бич. Неверие поселилось внутри.

– Не понял? – повинувшись сомнению, спросил. – Что значит – сын короля?

Мать не ответила. Она стояла и смотрела на меня умоляюще. Я и без слов понимал, что она просит не продолжать расспросы среди стольких ушей и глаз. Одри попятилась назад, отрицательно качая головой. Старалась подавить те слёзы, что ещё не полились по щекам ручьями, и не поддаваться истерике, которая бушевала в груди. Я знал, что Одри больно. Потому просто отпустил, дав знак кивком. Мама резко развернулась и побежала внутрь замка.

Провожая взглядом рассерженную и расстроенную женщину, которая родила меня на свет, думал о том, что только что сделал. Появилось осознание того, что я вряд ли захочу услышать правду, которую едва не сказала мама.

– Ты не помнишь? – прошептал неуверенно Ауннавин. Он

недвижимо стоял у меня за спиной и терпеливо наблюдал и слушал.

Вы когда-нибудь видели удивлённого дроу? Я – да. Только что. Повернулся и... вот. Эльф стоял, привычно заложив руки за спину, но его лицо выражало столько недоумения, что можно было из него новый замок построить. Даже два. На минуту представил, сколько раз моя физиономия прикрывалась подобной маской удивления. Видимо, выглядел я так же, даже хуже.

– А что я должен помнить? – спросил, чем заставил немного побледнеть Ауннавина. Он даже немного поседел, как мне кажется. Хотя куда уж больше. И так волосы белее снега.

– Пречистые боги, – выдохнул светлокожий эльф, подойдя ближе. – Что она наделала...

Оба ушастых переглянулись с неким сомнением, а потом Ауннавин только разочарованно покачал головой.

– Я это так не оставлю, – горестно заключил он и направился вслед за Одри. – Не зная дела, соваться в него. Ну, Одарис... Ну, птаха сизокрылая, – продолжал ворчать дроу, уже поднимаясь быстро по широким ступеням.

– Что случилось-то? Что она сделала? – опасливо поинтересовался я. Чутьё зазвенело набатом внутри, оповещая о том, что всё сказанное, возможно, имело отношение именно ко мне.

– Ваше Величество, – обратился ко мне Сул..., как там

его. Длинные имена – однозначно не мой конёк. – Позвольте прояснить кое-что важное, – нараспев продолжил эльф.

– Зови меня просто Артур. Ещё одного королевского обращения я не переживу, – посоветовал я.

– Как угодно Ваше... Артур, – неловко поправился Сулмельдир.

Я вспомнил его имя. Наконец-то.

– Ну, и? – я выжидающе вскинул бровь.

– Давай пройдемся, – предложил эльф.

Я согласился, безумно хотелось покинуть это место, заполненное концентратом из гнева и обид. Надеялся на небольшую прогулку, которая слегка отрезвит поражённое яростью и непониманием сознание. Хотя два часа непрерывной ходьбы только усилили моё негодование.

Сулмельдир начал издалека. Для начала рассказал немного о магии и её сути. Само магическое проявление связано с основными силами природы и мироздания.

Первой в своеобразной таблице идёт земля. Она представляет собой управление тем, что под ногами. Подобной магией обладают гномы и земляные грифоны, лишённые крыльев. Магия позволяет усиливать свойства металла, камня и песка. Интересное свойство: при помощи заклинания можно сделать крепче сталь, плодороднее землю, или передвинуть целую гору.

К магии я всегда относился скептически. Её не существует.

Ага, как же... а тот случай, когда мы только прошли в портал? Или мне приснилось, или я ей владею на самом деле.

Второй – огонь. Этой магией ведают драконы. Им же подчинён и воздух, так как практически все представители данной расы способны летать, обращаясь в крылатых ящеров. Есть несколько видов драконов: белые – ледяные драконы, красные – огненные, а также самые редкие, чёрные. Они помимо двух стихий владеют ещё и энергией смерти: могут воскрешать мёртвых, пока дух ещё не отделился от тела.

Опустив глаза вниз, следил за каждым своим шагом по протоптанной широкой тропинке, которая извивалась впереди, между толстоствольных деревьев. Я молча слушал безумный рассказ эльфа, пытаюсь понять, что я такого съел, что мне мерещится всякая ересь. Но бой моё сомнение проиграло. Всё реально, и нет смысла сопротивляться этому факту.

Когда Сулмельдир говорил о чёрных драконах, я вспомнил рассказ Ауннавина про человека на заинтересовавшем меня портрете. Пиртерия Ужасный, чёрный дракон Фирина. Теперь всё постепенно встаёт на свои места. Я, по словам матери, родился здесь, меня называют Ваше Величество, боятся лишний раз что-то спросить, выполняют любой приказ.

Неужели сыном этого тирана и убийцы я являюсь? Да ну, бред полнейший. Не могла моя мать сойтись с таким жестоким человеком. Н-да, если только её к нему не привели в качестве наложницы и не заставили служить королю... Похо-

же, дроу не врал.

Немного отвлѣкся на свои мысли. Когда вернулся в реальность, эльф уже говорил о грифонах. Я прислушался повнимательнее. Грифоны не все умеют летать. Это зависит от стихии, которая им подчиняется. Земляные крыльев вообще не имеют. Они жили в лесах и добывали себе пищу у корней деревьев и у ручьѳв. Жемчужные грифоны жили в горах, крылья им нужны были постольку-поскольку. Представители стихии воздуха мало летали, обращаясь в диковинных полуживотных-полуптиц. Большую часть жизни проводили в человеческом обличии. А вот лунные грифоны всегда любили побережье. Во время полнолуния они купались в тёплых водах океана и призывали прилив, который тут, в Фирине, называли королевским.

После жутко долгого вступления, которое меня просто замучило, Сулмельдир, наконец, перешѳл к самой сути проблемы, о которой хотел рассказать два часа назад! Любит он истории, чѳрт возьми. А пощадить несчастного слушателя и сразу рассказать всё в голову как-то ему не пришло!

Оказывается, есть такое заклинание, которое вкупе со специальными настояями даёт эффект забвения. Ненужные воспоминания просто стираются, заменяясь другими, более подходящими. Перед этим проделывается колоссальная работа. У нас можно сфотографировать место, нанять актѳров, дать текст, и готово. А тут, в этом мире, надо сначала усыпить человека, привезти его на место, поселить в дом,

окружить нужными людьми, а потом только пробудить. Желающий забыть должен по своей воле выпить отвар, иначе в лучшем случае заклинание просто не подействует. В худшем может оказаться так, что человек начнёт терять память, и через пару недель он просто станет овощем. Жуть какая.

На мне Одри, по словам Сулмельдира, использовала подобное заклинание. Ну, раз я не овощ, значит, подействовало. Хотя, надо сказать, не совсем правильно. В случае с магическим существом, а именно мной, требуется уничтожить магию внутри тела. А мать это не сделала. Просто дала мне отвар, который я выпил, наверно, добровольно. Воспоминания исчезли. Почти.

Я только что узнал важную про себя вещь. Я представитель двух магических рас, а значит, мои воспоминания лишь могут быть закрыты для меня, но никак не стёрты. На таких, как я, как заверил эльф, не действует заклинание. Одна из сущностей возьмёт верх со временем.

Но не в этом суть проблемы. Я опять услышал историю из уст рассказчика, не подобравшись к важному. Надеюсь, теперь это будет действительно оно.

Моя проблема в том, что я забыл, как пользоваться магией. Классно сказано, особенно если учитывать момент, когда я собственноручно не давал выйти твари из портала. Но! Вот тут самое интересное и страшное для меня. Чёрный дракон, потомком которого я являюсь, не может копить магическую энергию слишком долго. Он постоянно должен вы-

плёскивать её посредством сражений, тренировок, колдовства и даже кувырканий в постели со служанками. Любая активность, вплоть до бега по пересечённой местности. Всё дело в том, что магический резерв чёрных драконов выполняет ещё и роль жизненного. И этот источник можно опустошать методом «Напрягся, устал, уснул». Эмоциональный фон снижается теми же средствами.

На протяжении всей жизни я этого не делал. Одному Богу известно, сколько во мне магии накопилось, но первый звоночек уже напомнил о необходимости разрядиться в срочном порядке.

Первое время мне казалось, что мы бесцельно бродим по лесу, разговаривая, но, когда вышли на поляну, оказалось, что следовали именно к этому месту.

Запах гнилого мяса заставил поморщиться и прикрыть рот и нос ладонью. Я узнал место по огромному выжженному кругу травы. Тут был совершён переход из одного мира в другой. Ещё один момент, который бросился в глаза: посередине круга лежала гниющая голова Стража Межмирья. Глаза впали и растрескались, словно стекло, бронированные щетины и чешуйки отваливались постепенно, как и зубы. Сквозь смердящее чёрное мясо виднелись белые кости.

– Ему оторвало голову, когда портал закрылся, – сказал эльф.

– Я не давал ему выйти и убить мать, – произнёс я. А сам снова вспомнил ужасный момент, когда Одри лежала с изо-

дранной спиной.

– Ты помнишь свои ощущения в тот момент? – тревожно спросил мой собеседник.

– Да, – ответил без сомнения, погружаясь в воспоминания. – У меня всё внутри загорелось, – невольно приложил ладонь к груди и поморщился. – Болело так, словно мне раскалённое железо в глотку лили. Потом боль пошла к рукам, а после я... не помню.

– Ты сбросил часть накопленного резерва, – сообщил Сул-мельдир. – Аида предупредила нас, что возможно придёт не одна. И мы ждали в лесу. Когда портал открылся, то стало понятно: Страж погнался за вами. Мы видели, как он ранил Одарис, и как ты пытался его остановить, после чего полотно реальности стало целым, а зверю отделило голову.

– К чему ты клонишь? – я засомневался.

– Когда мы с Ауннавином и ещё несколькими эльфами выбежали, то...

– Что?

– На тебе почти не было одежды. Одни обожжённые лохмотья, – сообщил эльф. – Грудь и руки прожжены почти до костей. Анви думал, что ты не доживёшь и до утра. Но наследственность сделала своё дело и тут. Ты три недели пролежал без сознания, Ауннавин тебя лечил, чем мог. Хотя в основном твоё тело восстанавливалось само. Видимо, энергия смерти, унаследованная от отца, возвращала тебя с того света. Даже шрамов не осталось.

– Постой. Сколько я пролежал без сознания? – от слов эльфа мне стало плохо. Я хотел услышать это ещё раз, чтобы отмести подозрения об ухудшившемся слухе.

– Три недели ты исцелялся, ещё неделю проспал. До сегодняшнего дня, – ошарашил новостью Сулмельдир.

Оказывается, я тут уже месяц, изображаю из себя спящую красавицу с явным слабоумием. Я загорелся идеей запытать мать до потери пульса, чтобы она сказала мне правду. Но этот костёр быстро погашен. Её сейчас пытаются и без меня. Ауннавин был полон решимости это сделать, когда шёл за ней.

Всё окончательно разъяснилось. Мы с эльфом ещё долго беседовали, удобно усевшись между корней старого дерева. Сул рассказывал обо всём, что меня интересовало. О замке и том, как его отвоевали пару лет назад, о мире в целом, даже про красные озёра, возле которых на самом деле живёт птичка Чирина, с алыми перьями. Её пение действительно обладает целебными свойствами. Всё, начиная с истории восхождения на трон Пиртерии до сегодняшнего момента.

Вернулись мы в замок ближе к закату. Я устало зевал и еле передвигал ноги. Слишком много ходьбы и новой информации. Услышанное переваривал до сих пор. Но спать не хотелось.

Я отправился в комнату матери. Не один, так как рисковал заблудиться в петляющих коридорах. Эльф проводил меня к ней, а после отправился отдыхать.

Несколько минут я стоял у закрытой деревянной двери, не решаясь войти. Было стыдно за сцену во внутреннем дворе. Что меня ждёт за дверью? Кто? Этого я не знал. Но постучав, всё же вошёл внутрь.

Одри сидела на деревянной кровати. Постельное смято. Мама пождала под себя ноги и обняла их руками, опустив голову на колени. В мою сторону она даже не посмотрела. Ещё бы, собственный сын так на неё наорал. А ещё и Аун-навин: наверняка пару ласковых она и от него услышала.

– Я всё знаю, – сказал я всего лишь три слова, опустив извинения. Просить прощения за то, что хотел узнать правду, посчитал глупым. Хотя, наверное, с этого и стоило начать.

– Я делала всё, чтобы тебя защитить, Артур, – подала она голос, по-прежнему глядя в широкое окно без ставен.

– Может быть, стоило мне раньше всё рассказать? – поинтересовался я. – Как ты могла скрывать столько лет?

– Тебе не понять.

– Ну так заставь меня это сделать, – решительно возвестил, сделав пару шагов. – Начни с мистера Грэмси, вернее, с того, что он умер три месяца назад.

Одри повернула голову в мою сторону и удивлённо посмотрела. Вопрос «Откуда ты знаешь?» отпечатался у неё на лице. Я лишь хмыкнул. Понимал, что не расскажет. Опять прикроется стандартной отговоркой, что всё для моего блага.

Я слишком устал, чтобы слушать очередную байку про

храбрую защитницу своего сына. А потому просто развернулся и собрался уходить. Но меня остановили.

– Артур, не уходи, – умоляюще позвала мама.

Я замер в дверях, не в силах сдвинуться с места. Но поворачиваться не стал.

– Что ещё? – спросил требовательно.

– Я всё расскажу. Только присядь, пожалуйста.

Что я могу услышать ещё, кроме лжи? Ответ на этот вопрос ожидал своего часа. Я вернулся в комнату и закрыл за собой дверь. Что ж, послушаю, пожалуй, что она скажет.

Глава 8

Утреннее солнце долго скрывалось высокими горами, не позволяющими согреть продрогшие деревья и траву. Но даже камень не в силах удержать свет, льющийся с небес. Медленно поднимаясь по небосводу, светилу всё же удалось расплескать золото по землям Фирина.

Лёгкий ветерок колыхал листву, заставляя её шуметь. Могучие дубы крепко углубились корнями в землю: что им слабые щекочущие порывы игривого проказника, снующего по просторам королевства.

Возвышаясь величественным монументом, на холме, окружённый лесом стоял замок. Серые стены высокими преградами окружали само здание. Главные ворота почти всегда были закрыты: пропускали внутрь только жителей и иногда торговцев, но в основном вход во внутренние дворы и поселение было ограничено для тех, кто несёт зло и раздор.

Флаги на башнях колыхались на ветру. Чёрное пламя и два перекрещенных меча чуть ниже – символ правления короля Пиртерии, чёрного дракона Фирина. Безжалостный и воинственный правитель внушал страх каждому, кто его видел. И упаси боги встать на пути у грозного и беспощадного дракона.

Сырые стены подземелья были покрыты плесенью и грязью. Ржавые и сальные решётки сдерживали пленников, до-

ставленных в качестве трофеев в замок. Отовсюду слышались стенания и плач. Шёпот слабо доносился из камер, разбавленный горестными вздохами и трепетом перед нескончаемым рабством.

В одной из камер, такой же грязной и устеленной вонючей соломой, сидели две девушки. Они крепко обнялись и тихо плакали. То, что случилось с их домом, они надолго запомнят. Из памяти это не выкинуть, ничем не заменить. Страх смешивался с жадной мести и нескончаемой обидой.

Грифоны жили мирно и спокойно долгие века. Они наслаждались своей жизнью, брали от неё только то, что было позволено и не толикой больше. На острове хватало еды и воды. Не было войн и распрей. До тех пор, пока на горизонте не заметили приближающийся флот.

И даже тогда грифоны не воспринимали враждебно пришельцев. Они вышли на берег с дарами и яствами, чтобы встретить незваных гостей. Но на мир солдаты ответили войной. В один миг всё побережье окрасилось в красный. Мужчин убивали сразу. Для них никакой пощады, даже если они юны и ещё не осознали себя взрослыми. Женщин забирали в качестве трофеев, насиловали и избивали, чтобы те становились покорнее. От стариков избавлялись ещё более жестоко, нежели от молодых.

Через две недели с небольшим храмы полностью сгорели, города опустели и были разграблены, залиты кровью невинных, а остров стал необитаем. Никого не осталось, лишь

мёртвые. Живых увезли, заковав в прочные цепи.

Пиртерия знал, по рассказам советника, что грифоны так же, как и многие из живущих на материке, владеют магией. Он приказал изготовить особые оковы, которые блокируют её. Король опасался за свою жизнь в первую очередь. На него гнев озлобленных пленников мог обрушиться в любой момент.

Цепей на всех ожидаемо не хватило. Чёрный дракон это учёл: приказал изготовить ещё и браслеты из чёрной стали, усилив эффект заклятьем, которое блокирует любое проявление магии. Никто не смел перечить правителю – колдуны и кузнецы были призваны в главный замок, чтобы перед отплытом забить трюмы кораблей магическими наручниками и цепями.

Звон толстых ключей, отскакивающий эхом от стен, заставил отвлечься от страшных воспоминаний, вызывающих лишь слёзы и тошноту. Уверенные шаги становились всё ближе, и вскоре у камеры остановился мужчина в кольчуге. Охранник. Толстопузый солдат, с сальным подбородком и мутноватым взглядом. Высокие сапоги со шпорами, узкие кожаные штаны, под тонкой кольчугой грязная туника. На поясе в ножнах слева спит прямой меч с гербовым эфесом, а справа кинжал, деревянная рукоять которого украшена незамысловатой резьбой.

Седовласая девушка устремила взгляд голубых глаз в сторону решётки, которая противна закрипела, как только её

открыли. Страх с новой силой заставил дрожать от ужаса. Девушка-грифон ещё крепче обняла сестру, и они обе вжались в каменную холодную стену.

За спиной толстяка выросли ещё два охранника. Широкоплечие воины с мечами в напоясных ножнах смело шагнули внутрь и рывком подняли пленниц на ноги. Кареглазая девушка с коричневыми волосами, в изодранном и грязном платье, стала сопротивляться. Она вырвалась из крепкой хватки стражника и ударила того по лицу, оставив кровоточащие следы от ногтей на щеке. Ответ последовал незамедлительно.

– Ах, ты, паскуда! – взревел мужчина. Он провёл пальцами по лицу, размазав отчасти кровь, сочащуюся из длинных и тонких царапин. – Пора тебя проучить!

Солдат ударил девушку ногой в живот, озлобленно выкрикивая ругательства. Он продолжил её избивать, пока бедняжка не затихла.

– А ты чего уставилась, тварь?! – рыкнул стражник, зло поглядывая на седовласую испуганную пленницу.

– Молись, чтобы король об этом не узнал, – предупредил толстяк сиплым голосом. Он улыбнулся щербатой улыбкой, а потом сплюнул на пол, вытерев рот испачканным рукавом. – Он не любит, когда без его ведома трогают трофеи. Твой предшественник сгорел заживо в драконьем пламени. Он долго орал, пока плавилась кожа. До сих пор запах горелого мяса чувствую.

– Не узнает. Он настолько тупой, что не видит дальше собственного носа, – хохотнул презрительно стражник, пихнув ногой лежащую на грязной соломе девушку. Она сдавленно простонала и пошевелилась. Но встать не спешила.

– А как насчёт королевы? – раздался с прохода грозный женский голос, смешанный с драконьим рычанием.

Все трое мужчин повернулись в сторону звука. Прямо у входа в камеру стояла женщина невиданной красоты. Бордовое платье, опоясанное широкой белой лентой, подчеркивало идеальную стройную фигуру. Лицо не выражало никаких эмоций, но было прекрасно: белёсые брови, алые глаза с длинными ресницами, аккуратный носик, пухлые сочные губы, ровный подбородок и изящная шея. Образ завершали светлые, чуть желтоватые волосы с ярко-красными прядями, которые, словно языки пламени, поблёскивали и переливались. Всю эту прелесть венчала тонкая серебряная корона с рубином в центре и двумя алмазами по бокам.

Женщина периодически закрывала платком нос, чтобы не чувствовать смрада подземелья. Он всё равно пробивался через ткань, отчего королева морщилась, даже когда говорила.

– Ваше Величество, – тут же склонился толстяк, приложив руку к груди. Остальные стражники последовали его примеру.

– Я задала тебе вопрос, смердящая туша, – гневно обратилась драконица к мужчине с окровавленной щекой. – Как на-

счет королевы? Или только король настолько туп, что не видит дальше своего носа?

– Королева Селеста, Ваше Величество, простите его, – вступился жердьяй, скривив толстые губы в неуклюжей улыбке. – Молод, горяч, не понимает, что говорит. Научится.

– Замолкни, вонючая челядь! – гаркнула яростно Селеста. В ту же секунду она взмахнула рукой, и толстобочного стражника отбросило к боковой стене.

Мужчина взвыл от боли, но подняться не посмел.

– Молод и горяч, говоришь, – королева грациозно шагнула вперёд, не боясь, что подол платья выпачкается о сальные ржавые решётки и грязный пол, покрытый слоем пыли, грязи и человеческих отходов. Она подошла к дерзившему стражнику и заглянула в глаза. – Правду, – прошептала она.

Парень со следами от ногтей на щеке не мог сопротивляться. Как можно не смотреть на такую красоту? На свой страх и риск он прямым взглядом посмотрел на Селесту. Лучше бы он этого не делал. Красные драконы владеют силой вытаскивать из любого существа, будь он человеком или эльфом, гномом или оборотнем, истину. Стоит только заглянуть в горящие огнём глаза.

– Вы, драконы, заняли трон и занимаетесь тиранией, – начал спокойно мужчина, не в силах противостоять магии драконицы. – Вам бы всем головы с плеч снести, а тела закопать, чтобы ни памяти от вас не осталось, ни костей. Только и делаете, что развлекаетесь с рабами и рабынями, а дела

до простых граждан вам нет. Если кто-то неугоден и оспаривает королевское мнение – сразу на плаху. Думаете тем, что между ног. Ни капли разума и благородства. Бойтесь, что кто-то бросит вам вызов, и казните, не дождавшись реакции жителей.

Королева Селеста молча слушала откровение из уст наглеца и всё больше свирепела. Пальцы начали сжиматься в кулак, на шее вместо белой кожи проступала красноватая чешуя. Зрачки глаз стали вертикальными, а из груди вырвалось утробное рычание.

– Ты горд собой, юноша, – прорычала драконица. – Смелый, но глупый. Мы драконы, мы никого не боимся. А тебе – стоило бы!

Сказав, она схватила за горло охранника и с силой сдавила. Мужчина захрипел. Но Селеста на этом не остановилась. Ей был нужен страх в глазах наглеца. Она ликовала, когда наблюдала ужас умирающих людей и существ. Но ничего, кроме гнева, в солдате драконица не увидела. Он поистине смелый и гордый, даже если во главе этих чувств стоит глупость.

Селеста приподняла стражника над полом, продолжая смотреть в полные ненависти глаза. Кисть руки королевы загорелась оранжевым сиянием.

Бедняга сгорел в одно мгновение, не успев даже вскрикнуть. Только догорающие угли осыпались на пол, поджигая собой солому и всё, чего коснутся. Женщина безразлично посмотрела на то, что осталось от дерзкого стражника.

Остальные охранники вжались в стены и не могли произнести ни единого слова. Каждый звук мог спровоцировать Селесту на новые казни посредством сжигания драконьим огнём. Против такого не поможет ничего. Смерть в самом ужасном смысле слова. Неизбежная и мучительная.

– Встань! – обратилась она к замершей на полу черноволосой девушке.

Та не шевелилась. Она не желала никому подчиняться, продолжая делать то, что хотела. К тому же, рёбра сильно болели и каждое движение становилось мучением. Слишком сильно стражник бил её.

– Аида, поднимись, – подала голос седовласая девчушка. Она в страхе переводила взгляд с грозной королевы на непокорную сестру и обратно, пытаясь понять, что Селеста предпримет в следующий момент.

– Кто тебе разрешал говорить, жалкая птаха! – королева была в ярости. Она готова была испепелить весь замок. Руки загорелись огнём, женщина сделала пару шагов в направлении синеглазой рабыни. – Хочешь сгореть в моём пламени?! Отвечай!

– Нет, – прошептала бедняжка.

– Как тебя зовут, мерзкая тварь?

– Одарис, – тотчас же ответила девушка-грифон. – Что мы вам сделали? За что вы так с нами поступаете? – жалостливо спросила она.

Бедняжке было всё равно, что случится сейчас. У неё нет

дома, почти не осталось родных. Дочь старейшины Грифоновна острова жалела только об одном: что не закрыла отца и мать собственной грудью, когда один из солдат заносил меч над их головами. Одарис прикрыла глаза и отдалась на волю судьбе. Если она сторит так же, как и охранник, пусть так и будет. Только бы поскорее.

– Тебе всё равно, – заключила Селеста задумчиво. Она ослабила огонь на руках и коснулась пальцем нежной кожи через дыру в платье.

Живот обожгло болью. Одарис согнулась и сдавленно простонала. Сжала зубы до скрипа, но не дала крику вырваться изо рта.

– Стойкая... Ты пригодишься при дворе, пожалуй, – улыбнулась победно королева Селеста. – Увести её наверх! Отмыть, накормить и одеть! – приказала она охранникам. Мужчины засеменяли, в страхе поглядывая на драконицу. Они схватили под руки стонущую Одарис и потащили из камеры.

– Стойте! – с плеча рывкнула королева. Стражники тут же замерли. Женщина подошла к ним и коснулась тёплыми пальцами подбородка пленницы, заставив её посмотреть вперёд. – Кто она тебе, та непокорная? – спросила настойчиво Селеста. Она смотрела в глаза рабыне, уверенная в том, что девушка скажет правду.

– Никто, просто грифон, – не таясь ответила Одарис.

Селеста взгляделась в измученное лицо седовласой плен-

ницы. Она стояла так примерно минуту, пытаясь разглядеть ложь. Но ничего. Впервые в жизни королева растерялась. Никто не врал красному дракону, ни один не мог справиться с такой магией.

– Ты говоришь правду? – решила спросить драконица. Она сомневалась в самой себе.

От охранников это не утаилось. Никогда королева не спрашивала никого дважды, проверяя свою догадку. Всегда уверенно вытаскивала правду из любого существа. Удивление воцарилось на лицах мужчин, они даже не старались его скрыть.

– Да, это правда, – снова ровным голосом ответила синеглазая пленница.

– Уведите её, – вновь сменив тон на безразличный, приказала женщина.

Стражники молча кивнули и продолжили тащить бедняжку по грязному и вонючему коридору.

Огромный сводчатый зал был весь покрыт мрамором. При каждом звуке эхо лихорадочно отскакивало от каждой стены. Мрачное помещение было огромным, внушало страх одним своим видом. По бокам, между арочных проходов в малую залу висели красные портьеры, подвязанные бечёй с золотыми нитями. Посередине расстелена красная ковровая дорожка, проходящая через весь главный зал, по немногочисленным ступеням и даже под двумя тронами. Позади

королевских мест находилась стена с невероятно красивым витражом, который переливался разными цветами.

На серебряном троне по правую руку сидела королева Селеста, красный дракон Фирина. Она переоделась в чёрное платье, подвязанное алой лентой с пышным бантом на талии. По складчатому подолу рассыпались оранжевые искры. Казалось, что это искры от догорающего костра в ночи. Белые волосы разметались по оголённым плечам, яркими прядями дополняя чарующий образ драконицы.

На золотом троне невозмутимо восседал король. Величественная внешность: высокий с тонкими морщинами лоб, густые брови вразлёт, суровый взгляд абсолютно чёрных глаз, нос чуть с горбинкой. Губы скрыты под короткой щетиной, которая закрывала собой ещё и подбородок, а скулы мужчины гладко выбриты.

Он оделся по всем правилам официального приёма. Золотистый жилет с пуговицами из чёрных алмазов, одетый на голое тело, штаны-юбка иссиня-чёрного цвета, на ногах закрытые тапочки из драконьей кожи на плотной подошве. Волосы заплетены в тугую косу, которая свисала с правого плеча. На голове корона: дракон, распустивший крылья и опоясывающий хвостом по кругу. Глаза свирепого существа из золота украшены чёрными алмазами, крылья – аметистами, а хвост по всей длине – бриллиантами.

Король Пиртерия безучастно, с невообразимой скукой в глазах, обвёл тронный зал безразличным взглядом. В про-

стом помещении находилась королевская стража в несколько десятков человек, вельможи и приближённые королевской семьи, богатые купцы из разных городов и наместники семи земель, среди которых были оборотни, драконы, высшие эльфы, друу и лесные эльфы, представители людей и гномов.

Наместники и приближённые стояли практически вплотную к ступеням, ведущим к трону, купцы – в самой дали, у стен. За спиной у них только королевская стража, одетая в блестящие доспехи. Мужчины, все как на подбор высокие и плечистые, крепко держали острые алебарды, наклонив длинное древко чуть вперёд.

Огромные кованые ворота из чёрной стали отворились и внутрь одну за одной провели одетых в простенькие, но чистые платья пленниц с Грифонова Острова. Все девушки причёсаны и вымыты.

– Кажется, они не так красивы, как говорилось в легендах, – проворчал недовольно король. Он поставил локоть на подлокотник и подпёр ладонью голову.

Не было звона цепей в просторном зале, потому как у каждой пленницы на запястьях браслеты, блокирующие магию. Девушки не представляли опасности, разве что могли кого-то из присутствующих поцарапать или ударить, но за этим последует неминуемая казнь. Не все из пленённых это понимали: некоторые всё же предприняли меры, чтобы расквитаться с убийцами. Но все распрощались с жизнями прямо на ступенях.

Король оживился, когда среди однообразной красоты появилась она – девушка с абсолютно седыми волосами. Она подняла глаза и посмотрела на короля синей бездной.

– Опустив взгляд, паршивка! – охранник схватил несчастную девушку за волосы и опустил насильно голову, чтобы бедняжка смотрела исключительно себе под ноги.

– Её! – указал рукой Пиртерия, сменив непринуждённую позу на более гордую: выпрямил спину, величественно задрал голову и не отрываясь смотрел на красивую девушку.

Королева не упустила из внимания заинтересованность супруга пленённой красавицей. Даже в застиранном платье она выглядела прелестно: стройная фигура, аккуратные черты лица, изумительные вьющиеся волосы, свисающие водопадом. И глаза... Бездонно-синие, словно морская пучина.

Селеста приподнялась на троне и прорычала. Её откровенно злила подобная красота, она всеми силами боролась за внимание супруга к себе, хоть и знала, что королю требовалось как можно больше наложниц. Он сбрасывал на них излишки магической энергии, после чего добрая половина несчастных умирала в первую же ночь прямо в постели. Но гордая и властная королева не могла принять этот факт, ей мешала безудержная ревность к каждой, кто хоть на толику был красивее её.

– Как тебя зовут, чудное создание? – плотоядно улыбнулся чёрный дракон, обнажив белые зубы с острыми клыками.

Королева ещё больше озлобилась, бросив испепеляющий взгляд на Пиртерию.

– Отвечай, когда к тебе обращается Его Величество! – скомандовал охранник, снова схватив девушку за седые волосы. Та вскрикнула от боли, но сопротивляться не стала. На глаза навернулись слёзы.

– Одарис, – ответила негромко пленница, кинув жалостливый взгляд на короля.

– Отведите этот сапфир в мой гарем, – откинувшись на высокую спинку трона, довольно проговорил правитель. – Она станет украшением моего замка. Пусть прислуга облачит её в самое дорогое одеяние, я хочу, чтобы она выглядела по-королевски.

Селеста уже не могла себя контролировать. Она была в ярости, которая сжигала её изнутри, словно погребальный огонь, уничтожая все чувства, кроме неудержимого бешенства.

– Остригите её волосы! – рявкнула она, встав со своего места. Королеве до боли в груди захотелось хоть как-то насолить изменнику-супругу, чтобы он не мог восхищаться красотой пленницы. Она определённо была великолепна, даже находясь в рабстве.

– Не тебе указывать, что делать с моими трофеями! – рыкнул Пиртерия. – Сядь, пока я не лишил возможности ходить! И закрой свой змеиный рот!

Испуганная и опозоренная перед всеми королева быстро

села на трон. Белые щёки налились стыдливым румянцем. Никогда раньше супруг с ней так не разговаривал. Более того, он посмел унижить её перед наместниками и гостями. Но положение обязывает быть невозмутимой в любой ситуации. А потому, выдохнув, драконица надела на лицо маску безразличия.

Если бы она знала тогда, чем обернётся внимание Пиртерии к синеглазой девушке-грифону, убила бы её прямо в тронном зале, нисколько не заботясь о собственной безопасности.

Ночь опустилась на королевские земли, расстелив мрачное покрывало по всей территории. Лишь полная луна на безоблачном небе разгоняла мрачные краски непроглядной тьмы, разливая серебро по долинам, лесам и холмам, на одном из которых находился королевский замок.

Внутри всё стихло. Лишь охрана бродила по коридорам, меняя прогоревшие факелы, да прислуга, начищающая пол, оттирая его от обгоревшего тряпья и грязи.

Просторная комната, от пола до потолка украшенная красным бархатом, наполнилась тишиной, которое разгоняло лишь слабое сопение наложниц. Луна заглянула в просторное окно, пролив слабый свет на пол, устеленный коврами.

Огромное помещение, с сотнями кроватей, на которых спали девушки. Простыни из дорогого шёлка, подушки, на-

битые лебяжьим пухом, покрывала, расшитые серебряными нитями.

Красавицы ни в чём не нуждались. Они были одеты, сыты и свободны ходить по крылу замка, которое отведено специально для этих целей. Сюда запрещено было заходить всем – и мужчинам, и женщинам – , кроме специальной прислуги.

Одарис тихо спала возле окна, отвернувшись к стене. Она за несколько месяцев свыклась со своей участью, хотя не сразу примирилась с обстоятельствами. Поначалу девушка думала, что умрёт от голода и холода, что её снова запрут в грязном подземелье и будут пытаться, чтобы она стала покорной. Но всё оказалось не так. Король всегда заботился о своих наложницах.

Первое время Одарис постоянно плакала. Никто её не бил и не приказывал замолчать: все понимали, что ждёт прекрасную пленницу. Одна ночь с королём способна лишить жизни. Медленная и мучительная смерть от чёрного огня.

Одиночество съедало изнутри следующие две недели. Аиду, сестру Одарис, увели в другое крыло замка, в покои королевы. Правитель решил наказать супругу за то, что та осмелилась ему перечить и отдал в гарем девушку с синяками на лице и груди. Причём явственно наказал, чтобы Селеста не пыталась её убить любым способом или отдалить от себя. За неисполнение приказа грозила смерть. Пиртерия дважды не повторяет. С тех самых пор, как наказ короля исполнился, сестру синеглазая девушка не видела.

Вскоре, решив избавиться от гнетущих чувств, красавица стала понемногу привыкать к богатой отделке, сытной еде и вину, свободе, хоть и ограниченной. Начала общаться с девушками, которые были здесь довольно давно и много знали. Одна из наложниц, представительница человеческой расы, рассказала Одарис о том, что происходит, когда забирают девушку из гарема.

Каждые две недели чёрный дракон посылал прислугу за одной из девушек. Он помнил всех в гареме поимённо и даже порой описывал внешность красавицы. Избранную уводили под покровом ночи в другое крыло. Она по правилам должна была покрыть голову полупрозрачным платком. Смотреть на девушку запрещалось всем, даже королевской страже. Прислуга обычно сразу докладывала королю о том, что в замке есть те, кто нарушил запрет, а королева Селеста мгновенно находила предателя при помощи своей магии.

После того, как наложницу приводили в покои короля, он тут же выгонял всех слуг из комнаты, и дверь надёжно запиралась снаружи. Один человек из числа прислуги поделился ужасными подробностями того, что происходило внутри. Он много раз слышал истошные крики сгорающих заживо девушек. От такого нельзя просто отстраниться. Нельзя забыть. Несколько часов мучений приходилось перенести несчастным наложницам, прежде чем двери комнаты снова отпирались.

Обычно, когда вставало солнце, и первые лучи касались

стен замка, бедняжка была уже мертва. Иногда по всему телу были ожоги до самых костей, а порой оставались лишь одни угли. Но не все умирали сразу. Самые сильные девушки проходили через это два, а то и три раза, прежде чем их пепел развевали по ветру.

Наслушавшись ужасов, Одарис много ночей не могла спать спокойно. Каждый шорох пугал её до безумия, заставляя вскрикивать от ужаса. А когда дверь впервые на её памяти отворилась в полнолуние, то бедняжка даже потеряла сознание, поддавшись непреодолимому страху неминуемой смерти.

Но прошёл один месяц, второй, а за ними ещё три. Одарис всё ещё была жива. Других девушек забирали по ночам, и почти никто из них не возвращался. Прислуга только оповещала наложниц о том, что их соратница скончалась в постели короля или же умирает в лекарском крыле от ожогов.

Лишь одна из десяти обречённых пришла в богато расшитую комнату. Лицо бедняжки было целым, но тело, спрятанное под несколькими слоями одежды, испещрено зажившими следами от чёрного огня. Но мучения её оказались коротки. Через три недели её забрали. Она покинула гарем навсегда.

Окончательно смирившись с тем, что за ней никто не придёт, Одарис стала вести себя спокойнее. Она всё чаще отдавалась сну до самого утра, нормально ела и даже начала улыбаться. Одну за другой девушку уводили и лишь единицы

возвращались обратно.

Ночь в самом разгаре. Дверь огромной комнаты открылась. Внутри вошли две женщины, облачённые в длинные платья с тонким поясом на талии, а поверх него накидка с застёжкой и глубоким капюшоном.

– Эта, – указала пальцем одна из женщин, тихо прошептала.

Вторая прислужница бесшумно подошла к кровати Одарис и слабо потеревшила девушку за оголённое плечо. Седовласая красавица не сразу проснулась, решив, что это как всегда молоденькая эльфийка боится спать одна. Её привели в гарем совсем недавно, и юная наложница никак не могла привыкнуть к новой обстановке.

– Изирель, тебе снова страшно? – спросонья поинтересовалась Одарис, с трудом разлепив глаза.

– Пора, прелестница, – мягко проговорила женщина в капюшоне. – Накинь платок и иди за мной. Пришло твоё время, королевский сапфир.

Синеглазая девушка побелела от ужаса, когда осознала смысл слов, сказанных прислугой. Она шумно сглотнула, глядя на высокую фигуру, нависшую над ней. Лица не видно, капюшон надёжно скрывает его от посторонних глаз.

Одарис начала задыхаться от страха. Она не ожидала ни ободряющих слов, ни успокаивающих прикосновений. Неизбежность сдавливала горло цепкой хваткой, не давая воздуху наполнить лёгкие.

Прислуга не двигалась с места. Девушка понимала, что они не будут вытаскивать её насильно из постели, рискуя разбудить остальных девушек. Но и не уйдут, пока избранная не поднимется и не пойдёт следом.

Глаза медленно налились слезами. Вот и всё. В мыслях пронеслась чередой прощаний с миром, сестрой и девушками, с которыми седовласая красавица успела подружиться. Одарис встала на трясущиеся от страха ноги. Не торопясь и постоянно вытирая льющиеся слёзы, обулась. Никто не торопил. И это ужасало. Добровольное шествие на погребальный костёр.

Наложница накинула поверх седых волос полупрозрачную ткань, обернув её свисающий конец вокруг шеи. Одна из прислужниц открыла дверь, приглашая пройти.

Представляя себе ужасные картины, вспоминая рассказы девушек, Одарис не прекращала плакать. Она не могла ничего изменить. По правилам, даже если наложница сопротивляется или пытается убежать, её не трогают. Из замка она всё равно никуда не денется, а в наказание за проступок одной могут вырезать весь гарем. Подобной участи Одарис никому не желала. Она искренне не хотела, чтобы из-за неё кто-то пострадал, а потому, чувствуя скорую смерть и поддаваясь страху, шла в покои короля.

Один коридор сменялся другим, остались позади переходы и лестницы с многочисленными ступенями. Осталось совсем немного до того момента, когда всё будет кончено.

Прислуга открыла двустворчатые двери с мощным засовом, пропуская в комнату избранную. Одарис трусливо проследовала внутрь. Она не могла даже смотреть по сторонам, потому что, как только оказалась посреди комнаты, её взгляд был прикован к кровати.

Двери захлопнулись, и раздался приглушённый звук металлического засова. Пути назад нет.

На постели, облокотившись на спинку, находился Пиртерия. Волосы всё так же заплетены в косу. На мужчине были только штаны-юбка, и больше ничего. Оголённое смуглое тело, испещрённое шрамами от ран, подтянутое и крепкое. Под кожей играли стальные мышцы – воин невероятной силы предстал во всей красе перед напуганной жертвой.

Пиртерия смотрел в сторону окна, за которым, покрытый серебристым покрывалом, сотканным из лунного света, простирались королевские земли. Лицо короля не выражало никаких эмоций, он сидел неподвижно, устремив взгляд на свои владения.

Девушка-грифон вспомнила, зачем её привели. Она горестно вздохнула, в очередной раз вытерла слёзы ладонью. И начала раздеваться: медленно сняла с головы платок и принялась за майку на тонких бретельках, приподняв её до самой груди. Действия прервал хриплый голос чёрного дракона.

– Не раздевайся.

Помня правило: всегда исполнять приказание короля, се-

довласая девушка опустила смущённо майку. Наложница замерла, склонив голову и устремив обречённый взгляд в пол.

– Смотри на меня, – вновь хриплый приказ. Без колебаний Одарис исполнила и его.

Пиртерия расцепил руки и поднялся с постели. Он походкой хищника медленно подошёл к замершей на месте наложнице и остановился в опасной близости от неё. Король медлил. Он наслаждался красотой девушки, внимательно рассматривая прелестное женское лицо.

Одарис смотрела в чёрные глаза правителя, следуя чёткому приказу. Внутри всё трепетало от ужаса при виде дракона в человеческом облики. В любой момент он может коснуться её и сжечь дотла. Но почему же не делает этого?

Ужас сменился удивлением. Тем временем, Пиртерия начал движение по кругу. Он всё так же не сводил глаз с очаровательной девушки. И вот, первое касание. Мужчина провёл пальцами по мягким седым волосам, задев плечо. Одарис ощутила дразнящее тепло, растекающееся под кожей.

– Никогда не видел такой красоты, – тягучим голосом сказал король. Он провёл ладонью по спине девушки, отчего та вздрогнула. Рука дракона остановилась в районе лопаток. – Ты боишься меня? – спросил Пиртерия, наклонившись к волосам девушки.

Он вдохнул носом запах, исходящий от струящихся локонов. Закрыв глаза, наслаждаясь ароматом моря. Горячее дыхание опаляло висок синеглазой наложницы. Она дрожа-

ла от страха, ожидая, что с минуты на минуту пламя начнёт жадно пожирать её тело.

– Я слышал, что грифоны очень красивы и обладают властью над чувствами других, – продолжал говорить чёрный дракон. – Это так?

– Мы не обладаем подобной магией, Ваше Величество, – ответила дрожащим голосом Одарис.

– Если ты не способна управлять моими чувствами, то почему я не могу сопротивляться твоей красоте? – задал вопрос король. Он взял девушку за подбородок и заставил её посмотреть на себя.

Пиртерия тонул в морской пучине синих глаз прекрасной наложницы, которая стояла перед ним, трясась от страха. Он ощущал её трепет, его тело дрожало вместе с ней. Он не понимал, что с ним происходит, но с того момента, как увидел очаровательную рабыню, не мог нормально спать. Даже еда начинала раздражать. В кубке с вином он видел её отражение, всё то же, с синими глазами и приятными чертами лица.

Король ненавидел себя за это, но отделаться от навязчивого образа не мог. Он въелся в подкорку так глубоко, что его невозможно вытащить, не снеся голову с плеч.

Лунный свет коснулся плеча девушки. Слабые переливы озарили лицо Пиртерии, который удивлённо смотрел на потрясающий эффект от лунного света. Мужчина поначалу решил, что магические браслеты не помогают. Взял руку девушки в свою ладонь, проведя свободной рукой над сталь-

ным украшением. Он ощутил магию, которая укрепляла чёрный металл, после чего удивление короля стало ещё больше.

– Как ты это делаешь? – прорычал Пиртерия. Его злило собственное непонимание.

– Я лунный грифон, это моя особенность. Мы реагируем на свет ночного солнца, – пояснила дрогнувшим голосом Одарис. В этот миг в её голове пронеслась мысль, что теперь Пиртерия точно спалит её дотла, превратив в обугленную головешку.

Но он продолжал медлить. Это заставляло наложницу дрожать сильнее.

– Я не причиню тебе вреда, лунный грифон, – последние слова дракон растянул, пробуя на язык. – Нельзя уничтожать столь прекрасный сапфир, сияющий в свете ночного солнца, – с некой издёвкой закончил король.

И тут же поцеловал.

Одарис было страшно и неприятно одновременно. С одной стороны, она понимала, что малейшее неповиновение вызовет волну ужасающих последствий, а с другой – к ней прикоснулся тот, кто отдал приказ уничтожить всех её близких. Тех, кто её вырастил и воспитал, кто любил и ценил...

Девушка-грифон неуклюже ответила на поцелуй. Она старалась не показать своего неумения, но от дракона, для которого страсть – смысл жизни, ничего утаить нельзя.

– Ты ещё не была с мужчиной? – Пиртерия прервал власт-

ный поцелуй и заглянул в синие глаза наложницы. По взгляду стало понятно, что ответ «нет».

Он победно улыбнулся, продолжая смотреть похотливым взглядом на свою жертву.

– Это не имеет значения, – выдохнула отчаянно седовласая красавица. – Сегодня я умру.

Пиртерию возмутил подобный ответ. От отскочил на пару шагов от Одарис, раздражённо прорычав. Отвернулся спиной, пытаясь сдержать гнев, рвущийся наружу. Он – король, для него своеволие наложницы подобно предательству.

– Ты мне веришь? Отвечай честно, – рыкнул он с плеча.

– Как я могу верить тому, кто убил моих близких? – искренне сказала Одарис. Слезы снова навернулись на глаза.

Девушка вспомнила тот день, когда один из жителей поселения сказал, что видел на горизонте парус. Воодушевлению не было предела. Очень давно на острове не видели чужеземцев. Все до единого восприняли новость с радостью, которая превратилась в предвестие мучительной смерти и вечно-го рабства. Грифоны приняли за правило, что каждый должен жить в мире и согласии, не стоит убивать друг друга ради наживы, превосходства и прочих глупых идей. Жизнь бесценна, она – дар богов. И этот подарок нужно использовать по назначению, а не купаться в крови ради собственного удовольствия.

И лишь Аида росла с мыслью, что нужно бороться за место под звёздами. Именно за это земляному грифону часто

доставалось от отца. Он учил её, что не нужно жить с гневом в душе. Но Аида всегда стояла на своём.

Как же сестра была права! Не стоило принимать чужеземцев с миром, не нужно этих танцев на берегу, уважительных поклонов, приглашений, длинных хвалебных речей. Всего-то надо меч, щит и встать плечом к плечу. Защищать жизни родных ценой своей, давая время старым и больным укрыться в пещерах, а молодым – шанс спастись от обоюдоострого клинка.

Одарис злилась. На себя. Она не слушала наставления младшей сестры, следовала советам отца. И что в итоге? Неизвестно, увидит ли она сестру когда-нибудь... Отец погиб, мать и брат казнены там же, на берегу. Их тела никто даже огню не предал. Просто оставили, как есть.

– Надо же! – король повернулся и посмотрел недоумевающим взглядом на Одарис, плачущую посреди комнаты. – Я чувствую твою магию!

Он подошёл ближе и схватил запястья девушки. Браслеты из чёрной стали протяжно запели, повинувшись прикосновениям чёрного дракона. Блокирующее заклинание продолжало действовать, но по-прежнему Пиртерия ощущал магические волны, идущие от наложницы.

– Ты должна уйти, – король многое понял про себя, но причину, по которой прогонял Одарис, не озвучил. Он просто схватил синеглазую красавицу за руку и повёл к двери.

Девушка от боли заплакала сильнее. Но вырывать руку из цепкой хватки не стала. Не оставаться же здесь, ощущая на себе ярость чёрного огня. Сильные пальцы мужчины оставляли на кисти девушки отметины, превращающиеся в синяки.

Пиртерия ногой пихнул двери со всей силы. Мощи дракона дубовые створки не выдержали: по дереву пошли сквозные трещины. Раздался скрип сломавшегося металла, из которого отлит затвор. Ещё один удар, и проход стал свободен, двери разлетелись на куски, задевая собой королевскую стражу и двух прислужниц.

– Эвия! Ко мне! – взревел король. По телу прошлась волна чёрного тумана. Магический резерв переходил допустимые границы. Но дракону словно было наплевать на себя.

– Да, Ваше Величество, – картинно поклонилась она. Лица своего по-прежнему не открыла.

– Оказать ей лучшие почести, дать самое лучшее питьё, еду и постель. Выполнять любую просьбу, которую только она скажет. Всё, что угодно, кроме выхода за пределы замка. И не беспокоить её, не приводить ко мне. Когда придёт время, я сам за ней явлюсь! Тебе всё ясно?! – громыхнул он придиричиво. Чёрные глаза опасно сверкнули в полутьме.

Озвучив приказ прислуге, король Пиртерия рывком заставил Одарис встать впереди себя. Наложница не понимала, что происходит. Ей было ясно только одно: она выжила сегодня ночью. И ещё много времени продлится её существо-

вание.

Но кое-что седовласая красавица узнала лишь спустя долгое время: королеве Селесте в эту злополучную ночь предстояло ощутить на себе всю мощь чёрного пламени дракона.

Глава 9

Добрую половину ночи мы провели с матерью в её комнате. Она нехотя рассказывала о том, как попала в рабство к жестокому и властному королю Пиртерии. Я не мог поверить в это. То, что испытала Одри, для меня оставалось невысказанным и поистине ужасным. Завоевать и подчинить себе все земли, убивая непокорных и тех, кто просто жил в мире и спокойствии, чтобы ради собственного удовольствия искупаться в крови... И сыном этого человека я являюсь?

Нет! Не надо мне такого родства! К дьяволу этого отца, который делал всё, чтобы его боялись и задыхались от страха при произнесении имени чёрного дракона.

Я никогда не любил людей, которые проявляли жестокость к другим, чтобы показать свою силу. Так делают лишь слабые духом и ущербные. Сильные люди – добродушные и уверенные в себе. Они не причиняют боль, не унижают, не убивают. Несут добро и свет, заставляя улыбаться и идти вперёд.

Теперь я понимаю, почему мать не хотела говорить о своём прошлом, и впадала в депрессию, стоило только мне задать вопрос об этом. Действительно невысказанно вспоминать о реках крови, которые лились из каждого уголка острова, видеть кругом трупы близких и друзей, а потом находиться

в рабстве у того, кто убил всех этих людей. Я категорически отказываюсь называть их существами, потому что человека определяет не принадлежность к виду, а поведение в обществе.

Одри пережила тяжёлое время. Она до сих пор не может справиться с воспоминаниями. Долгожданная свобода, которую она получила, и жизнь в другом мире изменили её, но прошлое не отпускало ни на миг, а теперь... вернулась в тот же замок, где когда-то жила в качестве наложницы.

Рассказывая про ту ночь, когда в полнолуние её пришли отвести на смерть в покои короля, мама плакала, уткнувшись в моё плечо. Она вцепилась пальцами в жилет, и навзрыд ревела, не прекращая говорить о своих чувствах, которые обуревают до сих пор при первом упоминании о рабстве. Мы сидели на её кровати. Я погладил её по спине в надежде, что она немного успокоится, но плач становился сильнее, Одри начала всхлипывать. Её трясло.

Мне ничего другого не оставалось, кроме как остановить рассказ. Слишком тяжело слушать про мучения, которые не дают покоя моей матери на протяжении стольких лет. Она не зря хранила всё в тайне. Лучше бы я этого не знал.

Я с трудом отлепил от себя рыдающую маму и прилёг на постель, предварительно сняв с ног закрытые тапочки. Они слишком грязные, чтобы их брать с собой на чистые простыни. Здесь не Америка: улицы не чистят специальным средством, на внутреннем дворе не устелен асфальт, а дом

не убирает горничная, которая получает за работу деньги. Придётся приспособиться к новой жизни.

Перестал думать о том, что по-прежнему нахожусь в бреду. Это реальность. Главным доказательством являются слёзы матери, насквозь промочившие жилет, и горячее дыхание, которое обжигает мне грудь и шею.

Мама обняла меня, положив голову на плечо. Она не переставала плакать, приговаривая, что только хотела меня защитить. Я гладил её по руке, приобняв в ответ. Попытался успокоить хоть как-то, но не получалось.

Я лежал, говоря успокаивающие слова, и думал, что зря считал её лгуньей, зря напирал, желая узнать правду. Отчасти узнал. Теперь не представляю, как буду спать ночами, размышляя о том, за каким таким «надом» она была мне необходима.

Под такие размышления в попытках найти ответ на новый, на сей раз единственный вопрос, я не заметил, как уснул.

Проснулся от того, что кто-то щекотал мне ноги. Я ощущал что-то влажное и тёплое. Открыл глаза, уставившись во всё тот же каменный потолок. Услышал скуление лабратора и поднял голову, чтобы посмотреть и подтвердить свою догадку.

Это действительно был Бонди. Он лизал босые стопы. С чего они ему нравятся, не могу понять до сих пор. Я не поклонник исследований на тему поведения животных,

но мне кажется, что пёс просто меня любит.

– Бонди, хватит! – засмеялся я, поджав ноги.

Собака восторженно завиляла хвостом и пару раз пролаяла. Лабрадор переминался с лапы на лапу и скулил, желал запрыгнуть на постель. Он постоянно так делал, когда ему хотелось, чтобы его погладили, или же просто жаждал показать своё превосходство надо мной. Раньше я постоянно брал его с собой спать, пока не понял, что псина просто сгоняла меня с моего собственного спального места. Пришлось отучать, хотя до сих пор не получилось до конца это сделать. Иногда он запрыгивает на меня и облизывает с ног до головы.

Но сегодня что-то изменилось. Я приподнялся, чтобы посмотреть на пса.

О, ужас! Бонди весь грязный! В шерсти запутались колючки растений, мелкие веточки, а его лапы... Я тряхнул головой, чтобы не думать, где он лазил всё это время. Теперь ясно, почему он мнётся, ожидая моего решения... он хочет, чтобы я пустил его к себе в таком виде!

Ну уж нет, хитрец! Я вижу, что ты испачкался, и не позволю так расхаживать!

– Надо тебя помыть, Бонди, – вздохнул я, спуская босые ноги на пол.

Сон продолжал одолевать меня. Глаза закрывались, тело не желало слушаться. Я очень хотел ощутить мягкую подушку головой, закутаться в одеяло и подремать пару часов. Но обстоятельства не позволяли.

За окном только начинало светать. Я не знаю, есть ли в этом мире часы или хотя бы их подобие, но раз восход ещё не вошёл в активную фазу, значит, по земным меркам ещё около пяти утра, или даже раньше. От осознания этого захотелось спать сильнее. Ватная после сна голова начала клониться к подушке.

Запоздалая мысль пришла очень не вовремя. С каких пор я, Артур Грифрайс, не люблю ранние подъёмы? Когда это случилось и почему меня никто не предупредил? Так не пойдёт.

Пересилил себя, чтобы наконец-то встать на ноги. Всунул стопы в обувь. Задники поправил пальцем, натянув на пятки. Обувная ложка – очень нужная вещь, особенно когда её нет. Но сомневаюсь, что после вопроса про неё, на меня не начнут смотреть, как на кретина.

– Пошли, надо тебя помыть, разведчик, – сказал я, похлопав зазывно по бедру ладонью. Пёс нут же выполнил команду «рядом». Он хорошо выдрессирован, потому казусов не случалось. Неповиновения за ним не замечал очень давно. Хотя смена обстановки может повлиять на характер пса. Вон как он срывался на Кэсэ. И, думаю, это не последний случай.

Немного приведя мысли в порядок путём размышлений, я отделался от навязчивого чувства сна. Теперь можно и оглядеться.

Я до сих пор находился в комнате мамы. Об этом свидетельствовала женская обстановка в помещении. Напольное

зеркало с туалетным столиком, картины с цветами на стенах, плотная портьера багрового цвета, закрывающая каменную стену.

Несмотря на то, что сон меня всё-таки покинул, усталость никуда не делась. Она продолжала сдавливать тело невидимыми тисками, напоминая о своём присутствии. Тяжёлый разговор, застывший в воспоминаниях, отдавался покалыванием в висках. Слова матери до сих пор резали по сердцу острым ножом, несмотря на то, что она произносила их вчера.

Правда... Я желал услышать её. Но радости никакой не было и облегчение не пришло на смену обиде. Только тяжесть внутри.

Я вышел в просторный коридор, толкнув нехотя дверь. Пёс вплотную шёл рядом со мной. Тишина... Только факелы мирно горят, отбрасывая танцующие блики на каменные стены. Некоторые из них новые: не было обгорелого тряпья и золы на полу. Видимо, ночью их меняли.

– Доброе утро, Артур, – донеслось мне в спину. Эхо подхватило женский приятный голос и понесло дальше по коридору.

Я обернулся. Сначала подумал, что мне мерещится, но приглядевшись, увидел, что моя мать стоит в проёме широкого окна.

Боже! Она что, собралась прыгать?! Я застыл от ужаса, не зная, что делать дальше. Мысли в голове лихорадочно но-

сились, и каждая из них ничего хорошего не сулила. Неужели вчерашний разговор так повлиял на неё? Что, если Одри решила покончить с собой, чтобы снова не испытывать ужасных чувств и не проживать того, что поклялась забыть?

– Что бы ты не задумала, мама, не делай этого, – опасно произнёс я, не в силах сдвинуться с места.

Паника начала овладевать мной, я не мог сосредоточиться. Нужно любым способом снять её с этого окна, пока она не совершила ужасную ошибку, которая оборвёт жизнь. Но как это сделать? Я начал перебирать варианты действий. Ничего стоящего на ум не приходило. Лишь воспоминания о вчерашнем разговоре, которые теперь я трактовал иначе.

Мать говорила так, словно прощалась со мной. Никогда не была столь откровенна, а тут... попросила остаться с ней и послушать историю о её прошлом. Я вчера не понял, что она задумала страшное, а теперь стоял, как вкопанный, и мысленно казнил себя за это. Как я мог это упустить из виду?! Знал же, что из Одри надо вытягивать всё стальным тросом, и ничего не предпринял!

– Я всего лишь хочу полетать, – сказала Одри, пожав плечами.

– Да я вижу, что ты хочешь полетать, – подтвердил я иронично. – Что ещё можно подумать о человеке, который стоит в окне и смотрит вниз?

Вот всё и сошлось... Она действительно захотела умереть. Я этого не переживу. Если мать бросится из окна замка, я по-

лечу следом. Потерять в чужом мире единственного близкого человека, остаться одному в неизвестных землях, где любая тварь – не важно, ползает она, летает или ходит на двух ногах – хочет тебя убить. Я не доверяю никому здесь, кроме своего пса и матери. Даже Кэсэ, хоть она и милая мохнатая зверушка с лисьим хвостом.

– Ты не понял, – начала разъяснять Одри, – я грифон. У меня есть крылья. И я хочу превратиться и полетать перед рассветом.

Ага. Так я тебе и поверил. О том, что мама грифон, она говорила. Но чтобы верить на слово расстроенной женщине... Да ни за что! Что бы Одри не сказала, я не собираюсь стоять и смотреть, как она летит вниз с огромной высоты.

– Я понимаю, ты расстроена, но не делай глупостей, прошу! – продолжал убеждать её.

Бесполезно. Словно со статуей разговариваю.

– Да всё хорошо! Вот увидишь, – обернулась она. Я увидел добрую улыбку и горящие в предвкушении синие глаза.

Нет. Она прыгнет. Нужно её остановить. Тело, как назло сковала немислимая тяжесть, словно мышцы превратились в камень. Я прирос ногами к полу. Даже дышать перестал. Медлить нельзя, но именно это я и делаю сейчас, полный бессилия и отчаяния, наблюдая пугающую картину.

С радостным «И-и-ха» она отталкивается ногами от подоконника и, раскинув руки в стороны, отправляется в свободное падение.

Я срываюсь с места и в одно мгновение оказываюсь в окне. Наблюдаю, как Одри летит вниз, приближаясь к земле. Внизу нет ни воды, ни сена – ничего, что бы хоть как-то смягчило падение. Она разобьётся! Боже! Почему я раньше не пошёл и не вытащил её из этого проклятого проёма!?

Время замерло... Секунды казались часами, а мучительное видение стояло перед глазами, заставляя все мысли, кроме одной, исчезнуть из воспалённого сознания. Она погибнет очень скоро, а я ничего не сделал, чтобы спасти её.

Страх овладел мной, затягивая на шее невидимую петлю. До земли осталось не так много, роковое столкновение с ней случится уже сейчас. Наблюдаю, как Одри в панике размахивает руками, до слуха доносится женский крик, который разрывает на части нутро.

Не могу на это смотреть, а потому обречённо закрываю глаза. Крик слышался ещё секунду, а потом прервался. Казалось, что моё сердце остановилось в груди. Дыхание пропало.

Не знаю, сколько прошло времени... Я открыл глаза, с ужасом осознавая, что сейчас увижу лежащую на земле маму. Смотрю вниз, трясаясь от страха...

Её нет!!! Вокруг начал собираться народ, услышавший вопль. Люди выходили из шатров, расположенных рядом с замком, и из самого здания. Я опешил. Искал глазами место падения, но не мог найти. Где она? Где мама?! Она действительно пропала или моё зрение отказывается показывать

страшную правду?

До меня донеслись взмахи крыльев, рассекающих воздух резкими движениями. Неужели сработало? Она полетела или нет? Я начал обеспокоенно смотреть по сторонам, выснувшись из окна. В данный момент не боялся упасть сам, хотел лишь увидеть Одри, понять, что с ней всё в порядке.

Наконец, увидел то существо, о котором говорила мама. И выдохнул.

Люди разошлись в стороны, образовав широкий круг. Внутри него приземлилось описанное не так давно существо. Даже с такой высоты внешность животного угадывалась с лёгкостью. Орлиная голова с белыми перьями, голубоватое тело с плотной шкурой. На спине мощные крылья, распахнутые на всю длину. И хвост. Приглядевшись, увидел, что на конце что-то вроде пушистой кисточки.

Я сорвался с места и полетел стремглав по коридору. Надо спуститься и выйти наружу. Мгновенно миновал пару лестниц, едва не упав со ступеней, продолжал бежать, учащённо дыша. Страх распространялся по венам, отчего меня трясло сильнее. В груди загорелся огонь, обжигающими волнами следуя к рукам.

Чуть не врезавшись в огромную створку ворот, спустился по ступеням, едва не летя над ними. Хотелось обнять Одри, прижать её к груди так крепко, как только могу... И придушить за то, что заставила меня так нервничать. На глаза наворачиваются слёзы. Ещё бы: я чуть не потерял самого до-

рогого человека на земле!

Вот, вижу грифона. Он всё ближе. Угадываются сквозь мутную пелену передние птичьи лапы с плотно прилегающей чешуёй и задние, похожие на львиные.

Меня заставляет становиться непонятная картина, которая развернулась перед глазами. Из-за странного зверя ко мне выходит мама. Видно, что она испугана донельзя. Трясущиеся руки тянутся ко мне, мокрые от слёз глаза смотрят прямо на меня.

Одри побежала навстречу и кинулась в распростёртые объятия. Она заплакала навзрыд, прижимаясь ко мне крепче. Словно не хотела больше никуда отпускать.

Горячие волны по-прежнему продолжали пульсировать внутри. Они только усиливались, причиняя невыносимую боль. Создавалось впечатление, что мне ломают грудную клетку кувалдой, ударяя со всей силы. Я стал задыхаться. В глазах помутнело. Я пошатнулся, ослабив объятия, в которых держал мать.

Теперь явно чувствовал, что горю изнутри. Насилу сосредоточился и вспомнил, что говорил Сулмельдир. Мой магический резерв переполнен, и приливы силы будут становиться чаще. Они не прекратятся и не ослабнут. Рассказ матери о сгоревших заживо девушках в постели чёрного дракона пришёл на ум следующим. Одри стояла вплотную, рискуя стать горсткой пепла под моими ногами.

«Если это костёр, то его можно потушить», – пришла

в голову мысль. Я закрыл глаза и сосредоточился. Мысленно пытался успокоить огненную бурю, что бушевала в груди, рискуя вырваться и спалить весь внутренний двор с людьми, а главное, убить мою мать.

Кажется, получается. Я представил себе, что заключаю в герметичный купол то пламя, что рвётся наружу. И оно медленно гаснет. Сиреневый пожар затихает, облизывающие нутро языки умиряются, и вскоре огонь исчезает совсем.

Воздуха в лёгких не стало, и я не ощутил биения собственного сердца. Последнее, что помню – удар затылком о что-то твёрдое.

Глава 10

Снова беспмятство. Образы, до которых нельзя дотронуться, но можно чётко улавливать обессиленным сознанием, атаковали мир, полный снов, окутанных сиреневым туманом. Странная дымка постоянно преследует меня с тех пор, как я попал в мир неизвестных существ и магии.

Осознание себя в пустоте стало привычным. И облака сиреневого дыма – тоже. Но то, что в них таится, меня пугает и заставляет переживать ужас снова и снова. Бред сумасшедшего, предсмертные видения – вот как можно назвать то, что всплывает перед глазами.

Но отголоски разума противятся этим терминам, навязывая свой, пугающий и странный. Воспоминания. Кажется, словно они мои... Я отказываюсь верить в происходящее, а оно только сильнее давит, не прекращая душить меня едкостью густой сиреневой дымки.

«Ты здесь родился», – звучат вдалеке слова матери, вселяющие неверие в мозг. Я не могу помнить свою родину, потому как образы жизни в Санта-Монике, а потом и в Лонг-Бич вытесняют прошлое из памяти.

Как? Почему нет воспоминаний из раннего детства, если я провёл его здесь?

Ответ на вопрос найти не успел. Хмарь рассеялась, отправив в небытие одноцветные стоп-кадры жизни в Калифор-

нии. Беззвучие окутало меня, снова подвешенного в непроглядной темноте. Вскоре и оно растворилось, дав звукам, наконец, протиснуться сквозь завесу из мрака и одиночества.

Я услышал невнятные голоса, различные по тональности. Один из них определённо был женским. Постепенно слух становился острее, и я мог уже различать слова. Мама. Она ругалась на своего собеседника, чья речь обладала певучестью. Одри ожесточённо кричала на Ауннавина, а он абсолютно спокойно, словно ему было наплевать на всё на свете, кроме самого себя, отвечал ей ровным голосом.

– Что значит, у меня нет магии?! – рявкнула мама надрывно. – Всю жизнь была при мне, а теперь её нет! Как это понимать, чёрт бы тебя побрал?!

– Ты пострадала от когтей Стража Межмирья, – ответил дроу безразлично. – Тебе прекрасно известно, Одарис, что и зубы, и когти этого существа обладают...

– Да плевать мне на это! – снова ожесточённо взревела Одри. Она не могла успокоиться. Сквозь завесу звуков я различал прерывистое дыхание. – Почему ты раньше мне не сказал, Анви! Ты мог мне сказать! Я прыгнула, твою мать, из окна крепости!!! Я могла умереть!

Воцарилась гнетущая тишина. Она дала мне время вспомнить момент перед восходом. Нежно-розовые всполохи рассвета осветляли горизонт, расширяя границы приятных оттенков пастели дальше вверх, смешивая их с тёмными красками ночного неба. Моя мать стояла босиком на каменном

сером подоконнике. Она безмятежно улыбалась, настраивая и меня на позитивный лад, убеждала не волноваться за её жизнь. А потом прыгнула, раскинув руки в стороны. Отдалась безмятежно гуляющему на просторах ветру, думая, что сейчас за спиной появятся крылья, которые поймут свободные потоки и понесут вперёд. Но нет. Она продолжала лететь вниз. Радость сменилась отчаянным криком по мере приближения к земле. Видимо, для превращения нужна была магия, а её, увы не оказалось. И если бы не другой грифон, так же решивший ощутить сырость облаков и прохладу податливого ветра, то моей матери не стало бы в тот момент.

Всё обошлось, на этот раз. Я понял для себя одно, пока лежал... Именно лежал, потому что смог пошевелить занемевшими пальцами и ощутить накрахмаленные простыни. Этот мир не безопасен, как и любой другой. Даже если здесь есть магия, миром правят драконы, а борьба за правое дело тут принимает поистине эпические масштабы, это место не являет собой сказку, которой можно наслаждаться, попивая пиво или ирландский эль, наблюдая со стороны за происходящим.

Когда Аида впервые встретилась мне на пристани, я думал, что воссоединение семьи станет поводом для продолжительного разговора о прошлом. Я наивный идиот, раз грезил этим. Нас втянули во что-то ужасное, а теперь смерть едва не прибрала к рукам мать. Нет. Пора выяснить, что задумали эти люди, эльфы и им подобные.

– Могла, – так же бесчувственно подтвердил Ауннавин. – Но не погибла же. Родрик был неподалёку и...

– А если бы его не было?! Анви, что если бы его не было?! Артур видел, что я сиганула вниз с улыбкой идиота на лице! Что было бы с ним, умри я так банально?! Что бы он подумал после моей смерти?! Что я самоубийца? Что не пережила возвращение на родину, где меня пользовали, как постельную игрушку, а теперь обращаются словно с королевой?! Да все через одного называют меня королевой-матерью!

– Мне кажется, ты слишком печёшься об Артуре, – заявил укоризненным тоном Ауннавин. – Он достаточно взрослый, чтобы решать проблемы самостоятельно. К тому же он король. И тебе ни к чему с ним обращаться так, словно он неразумное дитя.

– И первым делом надо лишить его матери, да? – вскрикнула Одри. – Чудно! Давай сегодня совершим обряд и положим меня на алтарь, – сдавленно пробормотала она, едва не всхлипывая.

Я решил вмешаться. Ни к чему слушать этот разговор. Он может длиться вечно, но ничего кроме материнского плача и эльфийского безразличия не услышу.

– Вы лучше любого будильника, – сыронизировал я, попытавшись улыбнуться.

Медленно открыл глаза и сфокусировал зрение на каменном потолке, чтобы избавиться от мутной пелены, мешавшей обзору. Затем повернул голову и посмотрел на застыв-

ших в немой сцене темнокожего эльфа и маму. Странно, но у них были абсолютно одинаковые выражения лиц. Испуганные неожиданным вступлением третьего собеседника, оба замерли, уставившись на меня.

– Слава Богу! – выдохнула мать, приложив руку к груди. Она смотрела на меня, как на смертельно больного человека, не веря, что я пришёл в сознание. – Я боялась, что ты не очнёшься! – сдавленно произнесла она.

Я сразу же попытался подняться на постели. Руки продолжали покалывать от проходящего онемения, ноги сводило от долгого лежания. Но встать не получилось. При первом же рывке дыхание покинуло грудь вместе с мучительным стоном, а боль растеклась под кожей, жадно вгрызаясь в кости и мышцы.

В глазах ненадолго помутнело. Я расслабился в надежде, что пытка закончится, но она длилась целую вечность. Так мне казалось. Было нестерпимо больно, и инстинктивно, чтобы постараться уменьшить мучавшее меня ядовитое жжение, приложил ладонь к груди.

Мягкая влажная ткань – вот, что я почувствовал. Как только ко мне вернулось зрение, я тут же опустил взгляд на грудь и приподнял ладонь, на которой остались кровавые мазки. Увидел нечто похожее на бинты: белая ткань, приятно пахнущая травами, а на ней красно-коричневое пятно, центр которого всё ещё оставался ярко-алым.

Вот откуда боль. Я нормально дышал, но двигаться не мог,

потому как лежу раненый в грудную клетку чем-то острым. Наверно. Точно не помню, бил меня кто-то или нет.

Память недавних событий медленно прокручивала перед глазами моменты происшествия. Перед тем, как потерять сознание, я чувствовал, что внутри разгорается костёр. Он облизывал кости изнутри. Огонь лился по венам, перетекая в руки.

Я знал, что это за пожар. Магически резерв был переполнен, словно бочка с водой, которую продолжали заполнять из шланга. Прилив не останавливался, он только увеличивался, создавая волны подобно тем, какие бывают в океане во время сильного шторма. И эти волны ощутимо проходили под кожей, выплёскиваясь наружу. Я попытался ослабить проявление магии, представив, что тушу огонь, наращивая непроницаемый купол над ним. После этого просто упал на землю и провалился в небытие.

– Что именно случилось? – поинтересовался я, проверяя свою догадку.

Мать рвано выдохнула и присела на край кровати, продолжая жалостливо смотреть на меня. Она положила ладонь на мою руку и заботливо погладила.

– Ты едва не погиб, пытаясь сдержать чёрный огонь внутри себя, – начала Одри расстроено. Она удручённо опустила голову и продолжила, сдерживая накатившую истерику. Об этом я догадался, увидев появившиеся на глазах слёзы и дрожащий подбородок. – После того, как ты выбежал на-

встречу мне, всё начало происходить очень быстро. Ты дрожал, я чувствовала это, потому как обняла тебя. Ты не мог успокоиться, от тебя исходило тепло, и оно всё нарастало. А потом всё просто прекратилось. Перед тем, как ты упал замертво, я ощутила холод, идущий от твоего тела.

– Ты запер энергию внутри тела, и она начала пожирать тебя изнутри, – уточнил Ауннавин, подойдя ближе. – Вместо того, чтобы выплеснуть то, что накопилось, ты решил перенаправить всё в себя. Глупо и безрассудно, на мой взгляд.

– Ты предпочёл бы гореть заживо? – задал вопрос я, встретившись взглядом с серьёзным эльфом. Его уверенность в своих словах растворилась. Он ничего не ответил, но по беглому взгляду дроу я догадался, что мыслительный процесс пошёл. Ауннавин выбирал меньшее из двух зол. Похоже, теперь не я один разделяю идею самоубийства короля. – Кстати, почему именно сейчас?

Этот вопрос только что пришёл мне на ум. И он требовал ответа, причём честного и немедленно. Почему за всю жизнь я ни разу не испытывал подобную боль и не взрывался от избытка чувств, покрываясь волнами чёрного огня? Вместо внятного разъяснения, два секретных агента из магического АНБ, находящиеся рядом со мной, переглянулись, кинув на меня настороженные взгляды.

– Он парень умный, всё равно узнает, – вздохнул повержено дроу. – Скажи ему сама, – предложил он моей матери.

– Сказать что? – я вскинул удивлённо брови, переводя

ошарашенный взгляд с эльфа на мать и обратно. – Что вы тут скрываете от меня постоянно?

– Артур, ты просто пойми, – неохотно заговорила мать, замявшись, – я защищала тебя от этого.

– Какую ложь ты мне ещё преподносила? – недовольно спросил я.

Плохое предчувствие знакомо резануло по нутру, заставив поёжиться от услышанного. Мне всё меньше хотелось доверять людям. Особенно это нежелание касалось матери. Я её люблю всем сердцем, если потребуется, голову на плаху ради неё положу, собой закрою от любой опасности. Но то, что она на протяжении всей жизни мне врала, я нескоро смогу ей простить. И доказанная вина за преступления против родного сына продолжает расти. Одри сама удлиняет список проступков, которые совершала.

– Анви, оставь нас одних, – попросила мама, укоризненно взглянув на блондинистого эльфа.

– Ауннавин, замри на месте и не смей покидать эту комнату, – скомандовал я так жёстко, как только мог. Сильно напрягаться не имел возможности: грудь по-прежнему болела. – На людях ты совершенно другая, настоящая, – пояснил матери свой приказ. – Если он уйдёт, ты ни слова правды мне не скажешь. Снова кинешься в слёзы, оборвав свою трогательную речь на полуслове, – закончил язвительно я.

Сказать, что Одри побледнела в тон своих волос – это значит, приуменьшить её состояние. Она просто застыла, надев

маску непонимания на лицо. Она осознавала, что я давно её раскусил, но не хотела принимать это на веру. Что ж, придётся, мама. Без свидетелей я с тобой разговаривать больше не намерен.

– Вот так, значит, – заключила недовольно Одри, поджав губы. – Ну, хорошо. Через продолжительное время после того, как мы пришли в другой мир, у тебя поднялась температура. Ты несколько дней лежал в постели, не вставая.

– Да, у меня была ветрянка, это я помню, – подтвердил я сурово.

– Не ветрянка, Артур. Это были мелкие ожоги от чёрного огня, – огорошила мать. – Я сразу поняла, в чём дело. Магии в тебе уже тогда было много. Ты быстро вырослел, несмотря на то, что тебе было всего восемь. Привезя тебя в больницу, я сказала врачам на ломанном английском, что это ветрянка. Они старались вылечить тебя, но изначально было ясно, что ни одно лекарство не поможет. Они боролись с неизвестной болезнью, как могли, но тебе становилось хуже.

Одри помолчала, видимо, окунаясь с головой в омут воспоминаний. Она словно не хотела говорить, но мой настойчивый взгляд заставлял её открывать рот.

– Когда доктора махнули на тебя рукой, мне ничего не оставалось, кроме как применить магию. Под предлогом последнего прощания я осталась на ночь в палате. Дождалась, пока все обходы закончатся, а пациенты улягутся спать. И запела.

...Мрачный закат и луны отраженье,
Вы отгоните дурное виденье.
Раны мои исцели ты, Чирина,
С красными перьями птичка Фирина.
Сон отпущу и отдамся покою,
Песню спою, находясь под Луною.
Слушай мой голос, родная Чирина,
И исцели меня, птичка Фирина.

Я пересказал по памяти слова песни, которую пела мне мама, когда я умирал от болезни в палате. На мгновение закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Вспомнил ощущения, про себя напевая песню, которая была своеобразной молитвой хозяйке красной озёрной долины. Сулмельдир много рассказывал про неё, когда мы беседовали, удобно примостившись между корней старого дерева. Эльф говорил, что иногда тем, кто серьёзно болен, стоит пропеть молитву. Без искренней веры в собственное выздоровление не следует даже произносить этих слов. Но если отчаяние заполняет душу до краёв, и смерть пришла к порогу, костяным кулаком постучавшись в дверь, то Чирина поможет. Всегда помогала. Даже драконы обращались к ней за помощью, что для них весьма странно: они ведь грозные и непоколебимые в собственных суждениях, а тут какая-то птичка порой важнее собственного величия и алчности.

Мне стало легче. И это не просто слова. Я чувствовал, как

боль стихает в груди, убирая ядовитые челюсти от моего тела. Кости перестали ныть, создавая дискомфорт. Даже получилось вдохнуть полной грудью, не опасаясь, что новый приступ выдавит из лёгких весь воздух.

– Немыслимо! – воскликнул дроу, приблизившись вплотную к постели.

Его изумлённый взгляд говорил, что происходящее невозможно в принципе. Похоже, он видел через бинты, что мои ожоги на груди действительно срастаются быстрее, чем ожидалось.

– Что такое? – непонимающе поинтересовалась Одри, переводя настороженный взгляд с меня на эльфа и обратно.

– Она его покровитель – вот что! Ты до сих пор не поняла?! – продолжил Ауннавин невнятное пояснение, смысл которого понимал он один. – Как же с тобой теперь сложно! – всплеснул он руками, разочарованно выдохнув.

Нервно прошагав от одной стены до другой, а потом обратно, дроу остановился, смерив каждого из нас пренебрежительным взглядом. Он вскинул брови, осознав, что ни я, ни моя мама, так и не поняли его слов.

– Чирина выбрала его! О, пречистые Боги! Что тут непонятного! – не прекращая жестикулировать, стоя на месте, попытался объяснить Ауннавин. Но в наших головах мыслительный процесс не начинался ни в какую.

– Это всё, конечно, замечательно. Хозяйка красных озёр стала моим защитником, и всё такое, – я наконец смог сесть

в кровати, не испытывая мучительной боли. – Но я так и не услышал всей правды.

На самом деле, я мысленно ликовал. Чувствовал, что под подобием бинтов ожоги стали меньше и практически не болели. Это противоречило здравому смыслу, но факт оставался фактом: я выздоравливал с пугающей быстротой. Если я правильно понял, то Чирина стала моим покровителем. До конца не могу сказать, что сие значит, но то, что это не может быть плохо, уяснил сразу и надолго.

– Тебе нужно отдохнуть, Артур, – слова матери вывели меня из собственных мыслей. Что-то часто я в них погружаюсь, отключая и слух, и зрение. Ухожу в себя, так сказать.

– Ну, уж нет, – воспротивился очередному переносу откровенного разговора. – Сейчас и полностью. Ауннавин, сядь, а то ноги заболят. Это будет долго длиться, – сказал я дроу.

Тот беспрекословно подчинился, словно безвольный слуга. Он выдвинул табурет на высоких ножках и сел, облокотившись локтем на край стола, на котором стояли различные колбочки, баночки и прочие склянки с разноцветными жидкостями. Там же находилась и широкая деревянная ступка с приятно пахнущим содержимым.

– Я слушаю, – поторопил я, грозно глядя на опешившую Одри.

– Песня тебе помогала до поры до времени, – продолжила мама с того места, где остановилась. Каждое слово вы-

давливала из себя, словно собиралась хранить эту тайну вечно. – Но через пару лет влияние молитвы ослабло. Новый мир был для тебя интересен. Языки, культура, история. Ты пошёл в местную школу и к концу года уже мог заниматься наравне со старшеклассниками. Даже учил меня тому, что узнавал в классе, – Одри мечтательно улыбнулась, посмотрев на меня.

– Но прошлые события не отпускали тебя. Ты сам возвращался к ним мысленно. Сны наполнялись кошмарами, а магия росла, питаясь страхом, что ты в себе копил. Через пару недель я заметила, что перед сном ты придвигаешь стул к двери, подпирая им ручку, всегда держишь настольную лампу включённой. Даже переставил кровать в дальний угол, чтобы видеть и окно, и вход в комнату. А потом я нашла под подушкой кухонный нож и...

– И решила, что пора это прекратить, – закончил я за мать.

– Ты начал думать, что за нами продолжают гнаться слуги Селесты. Ты видел их в каждом прохожем. Даже в школу перестал ходить, потому что тебе показалось, будто учитель истории похож на одного из солдат, преследовавших нас тогда, в катакомбах.

Я не помнил ничего из этого. В моей голове возникали навязчивые образы из школьной жизни, но только те моменты, когда я уже ходил на учёбу. Всё, что происходило до этого, в том числе и зачисление в ряды первоклассников, стёрлось и не оставило следа от себя.

Как странно. Практически все помнят, как поступали в младшую школу и робко оглядывались по сторонам, видя незнакомые лица учителей и одноклассников, с любопытством рассматривали учебники, ощущая всю тяжесть книг в твёрдом переплёте, впервые садились в школьный автобус и провожали растерянным взглядом родителей, которые теперь не водят постоянно за ручку... Но не я. Как ни пытался найти хоть одно из этих воспоминаний в своём мозгу, не смог. Их просто не существует.

– Ты стёрла мне память? – озвучил безумнейшую мысль, родившуюся только что в разгорячённом сознании.

– Да, – отрезала Одри. Больше она не могла произнести ни слова. Просто сидела, опустив голову на грудь, и смотрела вниз, словно провинившаяся школьница.

Да, уж. Мир полон загадок. Но это не сравнится с тем, какие белые пятна есть в моей жизни! Моё детство, друзья... Мистер Грэмси... Всего этого нет, потому что мать решила, будто бы я схожу с ума. Она лишила меня всего!

– Думаю, и мне стоит вставить пару слов, – оживился Ауннавин, прервав напряжённое молчание. – Твоя память не стёрта, Артур. Она просто находится за ограждающей стеной. Твоя мать, хвала Богам, не достаточно умна для того, чтобы полностью изменить сознание. Она всего лишь временно скрыла воспоминания, наложив на них новые.

– Пойми, Артур, это был единственный выход, который мог спасти тебя от смерти, – жалостливо произнесла мама.

При этом я отчётливо видел, что её взгляд говорил совершенно о другом.

– Был ещё один, Одарис, – нравоучительным тоном объяснил дроу. Он с укором посмотрел на седовласую женщину, сидящую рядом со мной, на краю постели, и продолжил ещё более презрительно: – научить его пользоваться магией. Ты могла обучить его: передать те знания, которые вы с Аидой получили от меня в своё время. Но ты этого не сделала. Ты выбрала другой путь, более опасный. А теперь сидишь и краснеешь, получая то, что заслужила.

Как бы я не смотрел на темнокожего эльфа гневным испепеляющим взглядом, как бы ни старался показать своё недовольство его поведением, всё равно осознавал, что он прав абсолютно во всём. Одри медленно убивала меня, думая, что спасает. Но оберегала она только лишь свой покой и свою жизнь, а меня изувечила морально, оставив без лучших воспоминаний, которые определённо повлияли бы на то, какой я сейчас.

Но почему она меня заставила забыть, а себя – нет? Что ей так дорого в этом мире, что она не избавилась от мучавших воспоминаний?

– Ты сама пила ту отраву, которой меня поила? – спросил я. Знал, что ответ «нет», но озвучил вопрос.

Молчание матери подтвердило догадку. Стереть мне память, а себе оставить. Если бы она была такой правильной, какой себя показывала все годы, что мы жили под одной кры-

шей, то сперва испробовала бы зелье на себе, а потом уже на мне.

– Одарис, спрашиваю уже при твоём сыне, – снова вступил Ауннавин. На его лице читалось сомнение, – ты понимала, что делаешь? Ты, как всегда, не ответишь, это в твоём стиле. Врать ты научилась ещё со времён пленения. Но хочу тебе напомнить, дражайшая ученица, что ты могла его убить в прямом смысле этого слова! – резкий тон эльфа давил на слух. Но я не перебивал. – Ты хоть понимаешь, что забудь он основательно, как пользоваться магией, то чёрный огонь спалил бы его дотла!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.